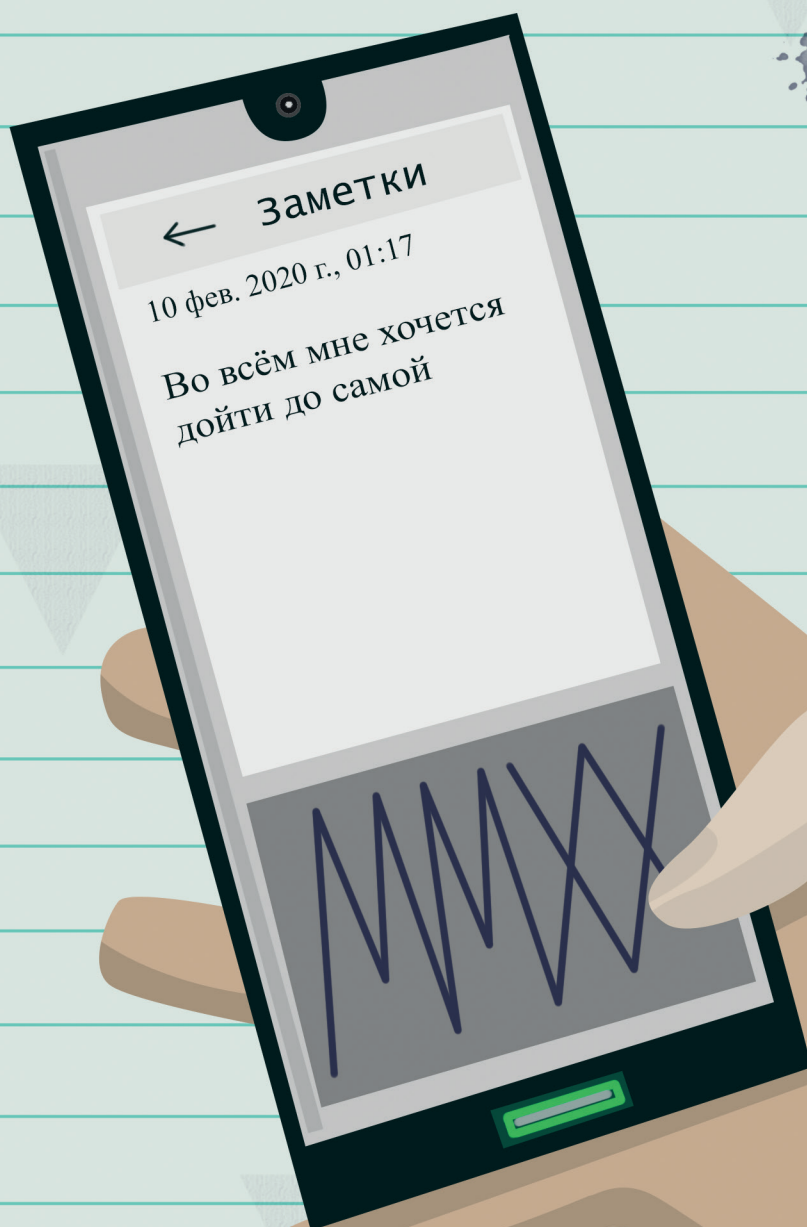

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXIV

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXIV

Литературно-художественный альманах

25 марта 2020 г.

Воронеж
2020

В оформлении альманаха использованы графика *Льва Рудковского*,
акварели *Елены Саниной*. Обложка выполнена *Кристиной Рамли*

Редакционный совет: *Д. А. Чугунов* (редактор-составитель),
В. П. Нацентов, Э. О. Пархоц, В. В. Тулупов

dr-chugunov@yandex.ru

Дойти до сути

Погружаясь в новостную ленту той или иной социальной сети и читая выложенное кем-то стихотворение, я часто думал в минувшем году: как удивительно устроена душа поэта! Она радуется услышанному созвучию, вдохновляется обретаемым чувством единомышления. Сколько раз так было: одно хорошее стихотворение автора X вызывало через день, два, неделю нечто похожее у автора Y, а затем волною дальше — у третьего, четвёртого... И ведь это не плагиат, не подражание, не повторение сказанного. Тогда что же?

Ответ прост. Мы ценим поэзию потому, что стихи в невероятной, кристальной форме открывают человеку самое важное — в окружающем мире и в нас самих. Открывают одну истину, один образ, одно знание, за коими угадывается множество других. И вот к ним-то устремляется душа прочитавшего, рождая новые стихотворения. Так возникает единый текст современной поэзии.

Так ведь было и в прошлом. Музы не молчали, когда грохотали пушки. Поэты Великой Отечественной войны, известные всем и те, кто не стал знаменитым, сумели сердцем ухватить и выразить происходившее тогда. В этом альманахе специальный раздел посвящён Слову тех военных лет. В год юбилея Великой победы это особенно важно. Ведь и Хронос давно уже подкрадывается к нашей памяти, и нечистоплотные дельцы от политики переписывают старательно историю. Я, к счастью своему, застал ещё времена, когда в девятый день мая на улицах появлялось множество людей, обладавших особенной, гордой походкой и особенным, гордым взглядом. В воздухе тогда раздавался особенный, негромкий перезвон, который наполнял день с самого утра. Так

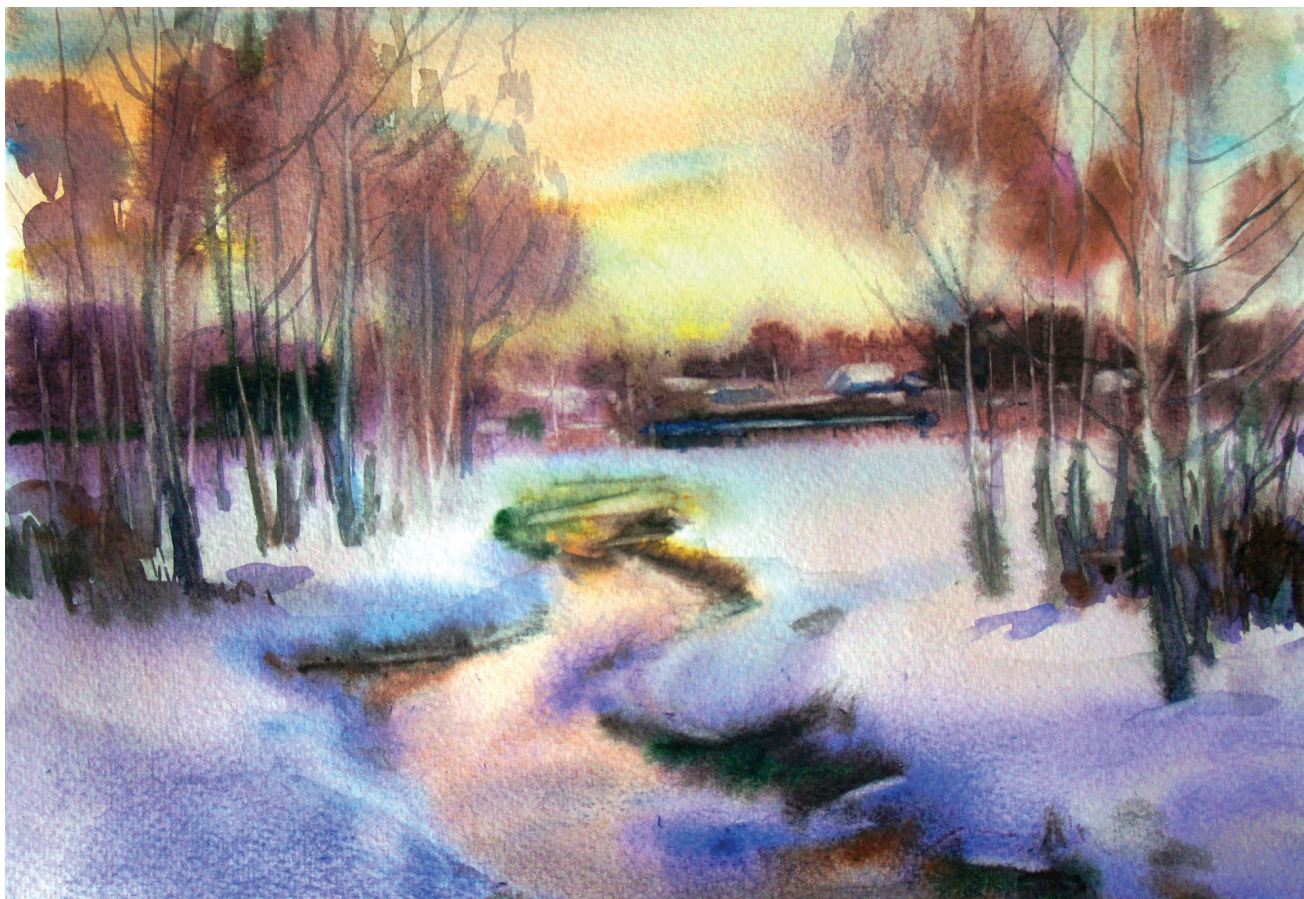
звенели ордена и медали. А у кого-то они не помещались на груди, и тогда наши деды и бабки заменяли их орденскими планками. А мы, малыши, выйдя гулять на улицу, сравнивали ветеранов друг с другом — у кого медалей больше. Даже не верится, что так было. Уже и не объяснить, чем отличается орден Ушакова от ордена Нахимова, за что награждали орденом Красной звезды, а за что — Боевого Красного знамени... И имена все не перечислить: Жуков, Рокоссовский, Черняховский — а дальше? И тот звон орденов на груди уже не будит нас утром девятого мая...

Однако остаются с нами слова тех лет. И их можно прочитать, чтобы понять нечто важное. В этом выпуске мы даём замечательный материал о поэзии Великой Отечественной войны.

В любые времена поэт стремится дойти до самой сути. Борис Пастернак, чей юбилей также пришёлся на 2020 год, великолепно обозначил это безразличие к миру. В нём нет пустяков, нет незначимых вещей и неважных людей. Чувствующий поэзию бытия всегда будет ориентиром — для современников и потомков, как им стал, например, уроженец воронежской земли, также юбиляр, Василий Михайлович Песков.

Так пусть и университетская поэзия открывает читателям главное в нашем настоящем, не забывая бережно хранить прошлое и с любопытством заглядывая в будущее!

Дмитрий Чугунов

Университетская муза

Светлана Ахмедова

Выпускница физического факультета. Печаталась в сборниках «Кубок Поэмбука. Весна 2019», «PoemFM»

Медные

Не было, но всё же происходит.
Духовая медь печальных войск
делит нас на «годен» и «не годен»,
продувает музыкой насквозь,
а потом ведёт пустых, январских
во поле берёзами стоять:
снежный лист прощенья славянки,
чёрные бекары воронья
да Чумацкий шлях, высок и узок –
соль, краюха-месяц, молоко.
На семи ветрах затишье музык
и молчанье спиленных бойков.
Оловом – кресты, бетоном – плиты,
звёздочек на всех недостаёт.
Битые уносят в рай небитых,
не сдавая занятых высот.

Столичное

Как стать никем? С толпою слиться.
Бери на понт, слепи, владей, –
встречай провинцию, столица,
лубочной ширью площадей.

Метро, Охотный – гей, славяне!
Пустите нас припасть к корням!
«Freestyler» жарит на баяне
оркестр, встречающий меня.

Бурнусы, драные колени,
amazing, geben, por favor
и непохожий толстый Ленин
неубедительно хитёр.

За неимением фонтана
на Лобное бросают мзду –
междумный юмор чужестранный,
стебущий грозный русский дух.

За воду сто, за кофе триста –
гуляем, мать его ети!

Раскосый друг степей, бариста,
давай, обслуживай кутил!

Глядим, как прочих благородий –
мужей достойных, статных дев –
псевдоколёсный теплоходик
тащит по мусорной воде.

И Александровского сада –
увы, чужого, не того –
скворцы, скамья, табачный ладан.
Пожалуй, вот и всё родство.

А, нет. По-питерски сквозило:
беги, купи и наливай.
Why do you cry, малютка Willie?
И думалось: и правда, – why?

Полустанок

Кто кого украл,
кто кого берег?
Ляжет между шпал
слово поперёк.
Мусорны поля,
березняк елов,
пьеса по ролям
верстовых столбов –
люди без речей
знаков ждут с небес,
тянется ничей
путеводный рельс.
Медленный как пульс
Чаттануга чу...
Прислоняю грусть
к божьему плечу.

Флора-фауна

Ничего не делится пополам –
доля то избыточна, то мала,
не хватает слов, а буквы – двоят,
разъедает время меня, как яд.
Закатилось яблоком солнце Ев,
уступает Девам дорогу Лев,
и луна восходит под стук колёс –
бледнокожий питерский абрикос.
Не шумит камыш, не кислит щавель,
сквозняком – беда изо всех щелей,
безотчетный страх – на гончарный круг,
что-то вылепим, может, в две пары рук.
Всё что врозь и без – суета сует.
Мелководной речки глубокий след,
быстрой лютки росчерк, дыханья сбой,
всё что есть во мне – заberi с собой:
пересохший рот, сжатый в точку мир,
и над миром царит звезда Чигирь.

Навигация

...а потом мы накроемся с головой,
потому что ты мёрзнешь,
закачается комната, поплывёт,
и как можно снотворней
повторять буду имя на сто ладов,
затушусь до огарка.

Путь далёк, моя радость. Далёк и бедов.
Непрочна наша барка.
Ледостав, недосып и не виден маяк,
только ветра камлание.
Путь закрылся и мир поднебесный иссяк –
даже звёзды в офлайне.
Табакom пахнут шкуры усталых собак,
наши – снегом и псиной,
от заветренных губ до горячего лба
лёг нетающий иней.
Недоступно дыхание общее – греть,
но стучит неустанно
кровь-морзянка послание далёкой сестре.

Живы два капитана.

Виктория Белоусова

*Студентка 4 курса филологического факультета.
Публиковалась в альманахе «День поэзии ВГУ».
Вошла в число победителей выставки «Поэзия в
лицах» (Воронеж, 2017)*

Души шью

Я души шью неоновой иглой,
Сшиваю воздух, пахнущий грозой,
И вспарываю мир – чужой, но мой.

Игла безумно больно колет плоть,
Сил не хватает это побороть,
Как будто бы не я теперь – Господь...

Как будто бы не я здесь демиург,
И души – не моих творенья рук,
И ложь всё то, что вертится вокруг.

Сквозь свет проходит пламенная нить,
Чтоб души и тела соединить.
Бросаю жребий: жить или не жить?

Я делу отдаю себя навек,
Остановив времён безумный бег.
В процессе жизни – новый человек.

Он – существо из снега и огня,
Дитя ночи и порождение дня...
И он меня похитит у меня.

Вслед за душой пришью живую тень,
Что поглотит собой холодный день
И одиноко сгинет в темноте.

Пусть разорвёт меня на части боль,
Продолжу я орудовать иглой,
Сшивая вместе бурю и покой.

Не залатать лишь дыры на сердцах,
Не вытряхнуть из них ни страсть, ни страх,
Не подержать их в мёрзнувших руках...

Я вышиваю собственный сюжет,
Я пришиваю чью-то жизнь к душе.
Мне чей-то голос шепчет:

«Шей.

Шей.

Шей».

Во сне

И снова я вижу во сне этот город –
Далёкий, туманный и страшный слегка.
Здесь вечно царит обжигающий холод,
Здесь скована льдом и туманом река,

Здесь небо черно и тяжёлые тучи
Несут в себе лишь ледяные дожди.
И город всесильный, и город могучий,
Здесь только ненастье и тьма впереди.

И снова я вижу во сне этот город –
Дворцы и каналы, мосты и дома.
И всё же он нужен мне. Всё же он дорог.
И я ему тоже как будто нужна.

То город печали и город тумана,
Он серый и жуткий, исполненный зла.
Вот за поворотом – собор златоглавый
И Адмиралтейская блещет Игла.

Во сне улетаю всё выше и выше,
Смотря, как далёкие гаснут огни,
Как в сумраке сером скрываются крыши,
Как быстро проносятся скучные дни.

Он снова врывается в сны мои, мысли,
Гранит, покрывающий топи болот.
Тот город построил, по слухам, Антихрист,
Поэтому страшен над ним небосвод.

Я чувствую жажду, я чувствую голод,
Я знаю, что нужно вернуться туда...
И снова я вижу во сне этот город,
И снова я еду к нему – в Никуда.

Ольга Благоннадеждина

Выпускница геологического факультета

Возвращаешься только во сне

Где ты, Детство мое, затерялось?
Возвращаешься только во сне.
Словно ночью смываешь усталость,
Прилетев иль пригрезившись мне.
Уплываю в далекие страны
По счастливой небесной струне.
Просыпаться и страшно, и странно
Утром ранним во взрослой стране...

Ольга Булахтина

Выпускница филологического факультета

Фольклорные практики. Милые годы.
Традиции верно филфак соблюдал.
Но устных сокровищ простого народа
Всю ценность не каждый из нас понимал.

В руках диктофоны, тетрадки и ручки,
И список вопросов всегда в голове.
К бабуле идёшь... но решаешь, что лучше
Отправиться к речке по сочной траве...

Как сладко спалось даже в школьном спортзале!
Нам ласточки пели с утра, соловьи.
И мы обо всём наносном забывали,
Оставив дела городские свои.

Мы были свободны, совсем ещё дети,
И жить так легко, и весь путь впереди.
И, вновь замирая, мы слушали эти
Былички и песни, преданья, стихи...

Но взрослые мы получали уроки,
Нечаянно память людей бередя,
Когда человек пожилой одинокий
Доверчиво плакал, жалея себя...

Из города долго писали мы письма
Родным старикам, не знакомым почти.
Но только давно прервалась переписка.
Причину бы надо, но страшно найти...

И всё это было, но будто не с нами...
А может... как раз... всё, что после... – не так...
Деревня в июле. И звёзды горстями...
Фольклорные практики. Милый филфак...

Светлана Владимирова

Выпускница факультета ПММ, член Союза писателей России, давний участник Дней поэзии ВГУ

не отпусти

И все-таки... не отпусти.
Неспешно отведи от грани,
Рассыпав шуток ассорти,
Латая паузы словами.
Заворожи, заговори,
Не полагаясь на «когда-то»,
Не дай сомнениям внутри
Сомкнуться в точке невозврата.
Бессонно под защитой стен,
И как отчаянно за ними
Цветет дворовая сирень
Цветами бледно-голубыми...

в городе N

Метеосводки, новости с автотрасс –
Вряд ли узнаю, было ль на самом деле.
В городе N, что так далеко от нас,
Солнце не появлялось почти неделю.

Вместо – горели лампы в десятки ватт,
Ластились звуки, не задевая сердца.
Там – дефицит тепла – непреложный факт.
Вечер, стучась, вином предлагал согреться.

Тело пустым мешком отдавалось сну...
Но несравнимо дольше ночных видений
Городу N во мне предстоит тонуть
Мифом: как без меня коротаешь время.

почерк

Очередные новости о мире –
Собой иль ими каждый поглощен,
О чем бы мы с тобой ни говорили,
Все разговоры будут ни о чем.

Перечеркнешь в попытке отстраниться
Написанное к нынешнему дню –
Скажи, и я переверну страницу,
Вот только почерк сразу не сменю.

На месте волки, овцы сыты –
Вполне понятна блажь такая:
Желанна дверь, когда закрыта,
А внутрь – и тенью не пускает.

За ней – просторы для фантазий,
Что жмутся в закоулках сердца.
Дух любопытства – он заразен
И выполз явно из-под дверцы –

Сорвать, порог не оббивая,
К обеду, к ужину, на полдник...
Но кто-то внутренний встречает:
Там не добыча.
Там – охотник.

Мы так давно знакомы, что слова
Порой мешают понимать друг друга,
К тому ж избыток посторонних звуков
Перегружает мозг, а голова
Должна быть ясной, как над нею небо,
Куда душа закидывает невод –
Улов сегодня явно мелковат,
Но повезло с погодой, несомненно:
На жизнь ложится солнечный оттенок,
Жаль, выцветшею кажется трава.
Не кажется – оно на самом деле,
И как слова, что с губ не полетели,
Растут листвы опавшей острова.

Знаю, что буду скучать, но не думай, что сразу:
Мне не впервой расшивать будни бисером дел.
Деревца ствол неокрепший к опоре подвязан,
Но все равно беззащитен в своей нагоде.

Птицы, гостящие здесь, унеслись шумным клином –
Он без претензий, разделит досуг с вороньем.
То, что ему предстоит пережить, объяснимо
Климатом местным и редкими сбоями в нем.

Все варианты известны, просчитаны, зримы,
Только впервые ворвавшийся снег – невесом.
Если ты слышишь, прошу, прочитай эту зиму
Как гениальную сказку с хорошим концом.

Кристина Гайдукова

Выпускница юридического факультета. Участвовала в Ежегодном Всероссийском Собрании молодых литераторов Союза писателей России, III Всероссийском конкурсе для молодых поэтов «Зелёный листок», Межрегиональном Собрании молодых литераторов СПР «Школа Андрея Платонова. К 120-летию рождения писателя», XIX ежегодном семинаре Союза писателей Москвы. Печаталась в журнале «Подъём»

Не пригодная для охоты –
скажешь ты обо мне. И прав.
Если любить – так в ноты
сразу во все попал.

Если любить/любить –
наголо, чтоб ничья.
Так и уселась птица –
прямо к стволу ружья.

Рощицу содрогнуло,
каждый заёрзал сук.
Птице казалось, дуло –
лишь продолжение рук.

В руки, как по приказу,
крыльями смерть обняв –
песню запела, сразу
в ноты во все попав.

Как близко Вы, как далеко.
Нельзя – слова. Нельзя – излишки.
Сбегает, льётся из-под крышки
Весна горячим молоком.

И за окном – густеет. Ртуть
Уравновесив, обездвигив.
И Вы все дальше, и все ближе.
Тревожно. Нежно. Здесь – вздохнуть.

Струна

I
Струна, никем не тронута – она
по-прежнему для всех ещё струна.
Но кажется, сгущаясь на колке,
мне только обращением к руке.

Просительна, натянута, нежна...
Кому же ты в молчании нужна?
В усладу ли смотрящего? Едва!
Струна, никем не тронута – мертва.

II

И кто мы – в этой голой тишине?
Два мертвеца: я к Вам, а Вы ко мне
обращены. И ждем – живое – звук,
не вынимая из карманов рук.

Молчание

О чем бы мы с тобой ни говорили,
значительней окажется молчать.
Не каждый звук способен замечать
такую эту нежность. Не стучать –
щелиться. Оседать, подобно пыли.

При всей отдаче должного словам,
обязанности слову человека –
молчание не называет реку.
Где, взять контекст – и есть сама она.
А слово – есть увиденная неким
в доступном ему слое глубина.

О чем бы мы друг другу ни писали,
о главном непременно промолчим.
Молчание окажется ничьим –
как всякое без формы, величин.
И – как мы правы в том, о чем смолчали.

Сергей В. Гудков

*Выпускник отделения журналистики
филологического факультета*

Россия

Она жевала слабым ртом
И тихо напевала,
Едва ли думая о том,
Чего не понимала.

Слова утратили уже
Обыденные свойства,
Спокойно было на душе –
Ни тени безпокойства.

Былое, будущее – всё
Вокруг неё кружило,
Как будто бросили весло,
Чтоб лодку уносило.

... Струилась нить, веретено
Тихонечко скрипело.
Ей было всё уже равно –
Вот потому и пела...

Исповедальное

*В послевоенные годы из жизни русского народа
позатупно изымали ветеранов войны – инвалидов,
калек. Они были слишком живым свидетельством
последствий Великой Отечественной войны...*

I

А ведь я и вправду помню,
Хоть и был малым –
Гармониста дядю Рому
Неуёмно злым.

Он наяривал частуши –
Экое словцо! –
От которых вяли уши,
Морщило лицо.

Он забористо ругался –
Трам-тари-ру-рам! –
И смешно передвигался
После сотни грамм.

Примитивная тележка –
Смех на двух осях! –
И живая головешка
В кожаных ремнях.

Подзывал порой: Серёга,
Дотащи домой –
Ну, хотя бы до порога
Присмотри за мной!..

И тащил я поневоле
По своей стране
То ли сгусток боли, то ли
Правду о войне.

Сотни тысяч – ай, немало
Было их вокруг,
Но в какой-то день не стало
Инвалидов вдруг.

Лишь нашёптывали робко
Злые языки –
Укатали, суки, Ромку
Аж на Соловки!..

II
Их прятали в пивных,
в кафе и на базаре,
И всё же почему-то
стыдились иногда.
Я помню, как-то раз,
пожалуй, в Краснодаре
Упала мимо рук
протянутых – еда.
Случайно, не по злу,
промасленный тот свёрток
С колбаской и лучком,
что взяты впопыхах,
Внезапно и легко,
неуловимо вёртко
Скользнул под изумлённый,
невольный возглас «ах!..».
Качнулся было тот
немыслимый растяпа,
Но, будто оробев,
отпрянул от него.
Запомнилось одно –
понурий взгляд и шляпа,
И даже всхлип как будто,
и больше ничего.
... Что инвалид! увы –
обыденная повесть,
Конечно же, до свёртка
допрыгал на руках,
И коротко вздохнул,
сочувственно – как совесть,
Которая когда-то
была о двух ногах...

Ануш Давтян

*Доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна*

Растаяла как воск и мягкой стала,
Хочу все время плакать и сочиться,
Лить слезы, проливая нежность

На твердь земную, застывшую во мне.
Но как же встретиться с собою новой
После Вселенского в моей душе потопа?
Смогу ли выжить, смогу ли жить
Тогда я в этом странном мире?
Такая хрупкая и незнакомая
Смогу ли стать себе
Землей обетованной?

Мне стыдно, стыдно!
И это очень древний стыд –
Найти себя за копотью обид!
И сделать так, чтоб было видно.
Меня. Со всех сторон. И изнутри.
Гори всё синим пламенем! Гори!
Тушить не буду. Спасать не кинусь.
Я отодвинусь. И в пропасть ринусь.
И полечу свободной птицей,
Чтобы себе во сне присниться...

Самайн

Свинцовой тучей накрыло небосвод,
Осталась золота полоска на закате.
Я пью небесный желто-красный мед,
Я надеваю бархатное платье.

И не спеша шагаю в пустоту,
Что спрятана в тумане ноября.
Я пью губительного яда густоту,
Макая в горький мед кусочек сухаря.

В забвение и сон уходит год,
И тускло гаснет слабая заря.
В безвременье сегодня мой поход
Под крик и ужас глухаря.

Страх любви

В шахту боли своей спущусь,
Сердца стук как шаги врага,
Я любить напрасно учусь,
Пропасть чует моя нога.

Ангел в спину шепчет: «Не трись!
Я твой щит и твои берега!»
Я молюсь, усердно молюсь:
Не пуститься бы снова в бега.

Вера Дадакина (Прощаева)

*Выпускница филфака ВГУ. Почётный работник
общего образования*

* * *

Полжизни мы теряем из-за спешки.
Спеша, не замечаем мы подчас

Ни лужицы на шляпке сыроежки,
Ни боли в глубине любимых глаз.

И лишь, как говорится, на закате,
Средь суеты, в плену успеха, вдруг
Безжалостно тебя за горло схватит
Холодной лапою испуг:

Жил на бегу, за призраком в погоне,
В сетях забот и неотложных дел,
А счастье, что лежало на ладони,
Ты ненароком проворонил, проглядел.

Ольга Дедова (Арбила Ареневская)

Училась на математическом факультете

Люди-трафареты

Ходят люди-трафареты
Или, может, люди-тени...
Вопрошают вечно: «Где ты?»
И невидимые стены
Строят сами друг меж друга
В ожидании любви.
Мчат по замкнутому кругу,
Позабыв про визави.

Весенний сюрприз

Сквозь старый башмак
Крокус жёлтый пророс.
Какой-то чудак
Мне сюрприз преподнёс.

Принёс его в сад
Под крыжовника куст.
Седьмой уж подряд.
Я с коктейлем из чувств

Стою и смотрю
На башмачный дизайн.
Я тоже творю!
Без меня кто влезал?

Везде башмаки
Зеленеют во мхе...
И где шутники?
Вдруг я слышу: «Кхе-кхе!»

С улыбкой стоит
Михалыч-сосед...
С ботинком в руках:
«Лариса! Привет!»

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета, член клуба поэтов «Лик», публиковался в журнале «Подъём», автор двух поэтических сборников

Последний заезд

Чуть глуше звуки, мельче сцены,
Чуть горше (в синеву) закат,
Намокли тропки. Постепенно
Уходит в сон мой добрый сад.

Ещё не тьма, но даль туманна,
Ещё не холод, но знобит,
Но гол тот дол за дымным станом,
Да редколесья бледен вид.

Мелькнёт по голой ветке птица,
Да мышка шуркнет под листвою,
А серость норовит сгуститься
И кажет нрав угрюмый свой.

В печи огонь гудит ворчливо,
Готовит дом к уюту сна:
Жизнь осушает брег отливом...

и мудрой ночи тишина.

Одуванчик

Вот – одуванчик, не секрет:
Он низко жил, негромко помер.
Да-да, дикарь, но горя нет
в том, что его неведом номер.

Нет в том беды, что горьковат,
Что кровью белой истекает,
Что мягок он. Не виноват,
что нет в нём бурьяновой стали.

Но в майский, но в летящий час,
Когда трава светла и нежна,
Монетки эти видят нас
И дарят добрую надежду.
на ярость красок сентября
И на плоды на пышной тризне,
На горизонт: чиста заря,
И на зерно, опору жизни.

А одуванчик? Миг – и нет,
И зонтики летят гурьбою.
Да, сладу нет, но это – след:
Они нам жизнь несут собою.

Полынь

Ушёл за Лету майский светлый сад:
Вон mareво качает мела стены,

А ты теплу совсем уже не рад
И обтекаешь жаром постепенно.

Пыль по пути прожарила ступни,
Засохли бронхи, опустились плечи,
Скажи себе: садись и отдохни,
Чтоб разглядеть весёлый вид далече.

Там за рекой – луга и облака,
Зелёные, да-да, дубы и вербы,
И камыши, зелёные пока,
И поля клин. Дома, руины фермы.

И здесь – не жар, но нега и теплынь.
Тень. Старая, белёсая осина.
И запахи. Особенно полынь.
И звук какой-то. Гуслей? Клавесина?

Нет. Звон пчелы, и баритон шмеля,
Хруст ветра и комар. А сей откуда?
здесь, на юру, обветрена земля...
Да что тут кажешь? Жизнь – такое чудо.

Ух! Запах сладкий. Терпкий и чудной.
Так пахнут степи под небесным жаром,
Так пахнут соразмеренность и зной,
Так пахнет мир, что получаешь даром.

Хотя... Вот эта горечь неспроста.
Под почвою – слои. Они кровавы.
Разлитая по степи красота –
И иглы многослойной давней славы.

Талдычное

Не сделать мне открытий шумных,
Реактор не изобрести.
Теперь дорожкой подлунной
Я жизнь несу в своей горсти
по площадям и перелескам,
И светел, весел каждый шаг,
Где – не до денег, славы, блеска,
Когда уж смерть звенит в ушах.

Но ты рукой сжимаешь пламя
И раскрываешь встречным длань:
Держите, я пока что с вами.
Всё расскажу, лишь рядом стань.
Я расскажу про рёв пучины
Над головой и под ногой,
Про жизнь и наготу мужчины:
труды. И штормы. И огонь.

Я помню, что мужик виновен,
Едва придя на этот свет,
Что шалопай при деле – воин,
Что титор нам – соцветье бед.
Я знаю то, что свежий ветер
Дарит спокойствие плечам

И то, что жизнь идёшь невежей,
А совесть жжётся по ночам.

Бери, малыш, вот эту нитку,
Потом вплетёшь её в канат.
Постройшь мост, он будет зыбким,
Но это лучше во сто крат
тропы курумником игривым,
Где тонны пляшут под ногой,
И брода с белопенной гривой
Прижимов, созданных рекой.

Всё...
Только слышен голос сзади:
«А ну-ка там, посторонись!
Да всё мы знаем, старый дядя,
Про эту сказочную жизнь».

Анастасия Еремина

Студентка 2 курса филологического факультета

Я, рассекая ночь словами,
Шепчу тебе через века,
Что слышу я шаги в Маркабе –
Они зовут издадека.

Зовут в края, где звук мизмара
Тревожит душу поутру,
Туда, где мы в тени чинара
Играем в странную игру.

Мы улыбаемся глазами,
Но рук не смеем протянуть.
Ты посвящаешь мне рубай,
А я пытаюсь ускользнуть.

Здесь всё таинственно и ново,
И тщетно силюсь разгадать,
Кого ребаб зовёт сурово,
По ком Саади мог страдать.

Изящный силуэт мечети
И с минарета звучный зов
Не смогут сблизить нас, и ветер
Тяжёлых не порвёт оков.

Ты в тишине читаешь суры,
Твой взгляд к Каабе обращён,
А здесь, на севере, всё хмуро,
И вечер снегом освещён.

Я, рассекая ночь молитвой,
Как арабески, разложу
Слова: «Всевышний, в этой битве
Ты сбереги его, прошу!»

К тебе пишу из времени иного,
В котором честь не стёр ещё успех
И сквозь туманную вуаль былого
Доносится Прекрасной Дамы смех.

Не доверяю мыслям о полезном
И не меняю чувства на игру,
Как конквистадор в панцире железном,
Надеюсь, что мечту свою найду.

Всю жизнь ты подчиняешь компромиссам,
И прагматизм стал во главе угла,
А я слежу за тем, как по карнизам
Струится свет и отступает мгла.

Но беззащитно руки холодеют,
И сердце леденит тупая боль,
Когда в твоих глазах огонь тускнеет
И вновь клеймишь безжалостно любовь.

Ты не приемлешь пылкости и страсти,
Я против равнодушия ума.
Мне застегнул браслеты на запястье
И не прочёл прощального письма.

Вера Калашникова

Выпускница факультета ПММ

В весеннем лесу

Голубые шустрые пролески
разрывают старую листву,
на земле нет для ботинок места,
чтоб не покалечить мелюзгу.

Я иду по хлипкой снежной каше,
та ж тропа, но лес не узнаю,
и волнение возникает так же,
как при приближении к алтарю.

Припадаю лбом к сосне шершавой,
и вечнозелёная, считав
жизни утомительные главы,
распускает мыслей душный шарф.

Река в июле

Река причудливо путляла,
заигрывая с камышами,
а рядом с лодочным причалом
её приветствовал ольшаник.

Встречал и лодочник, и лодки,
и люди, вёсла выбирая,
но у реки характер хлесткий,
покорна только замерзая.

И даже под покровом лилий
решила, что вольётся в море,
канал не перегородили,
и старый ястреб на дозоре.

И бросилась к сестрице старшей,
и вместе выбежали в море,
но не было восходов краше,
чем в росах пляшущие зори.

Водича бережно хранила
под солью чистоту истока,
и, чтоб прильнуть к родному илу,
на небо вскинулась высоко.

Зима

Океаны снега рассыпает
по земле сударыня зима,
и палитра бело-голубая
высвечивает мысли и дома.

Слёзы превращаются в снежинки
и летят, не ведая тоски,
чтоб прилипнуть на вселенском рынке
на раскаявшиеся виски.

Александр Каменский

Ассистент кафедры теоретической физики

Движение Стены

Заблудившись в реальности будничных дней,
Разрешаем годам быть часами.
И не видим движения Стены, а за ней
Остаемся, быть может, мы сами.
Соскользнув в суету бесконечных проблем,
Мы идём, ни на что не взирая,
И черствеет к порывам души, а затем
Те уходят, навек умирая.
Но свободны ещё наши детские сны.
Как фонтаном, живым и звенящим,
Замедляя немного движение Стены,
Они будят кого-то во сне.
А когда на полях зацветёт резеда,
Разбужу вдохновенья потоки
И поеду к весёлому другу, туда,
Где споёт он мне старые строки.
И падёт с наших лиц вековая броня,
Но не будет осколков звенящих.
Я увижу его, он увидит меня,
Но увидим мы всех настоящих.
И друзья собрались, чтоб восполнить года,
Что случайно в судьбе затерялись...
Как восторженно мы наблюдали тогда,
Что за стенами что-то осталось!

Да будет так!

Когда б на поиски ответа
Не уходили бы года...
Опять нарисовалось лето.
Иду туда!
Пусть светит солнце, дует ветер,
Приносит радость каждый шаг,
И все сбывается на свете.
Да будет так!
И сразу – море встреч, движений,
Друзья, что ждали с давних пор,
Часы компьютерных сражений
И жаркий спор.
Потом луна, костер, деревья,
На небе звезд полным-полно.
Я наслаждаюсь. Кто я? Где я?
А все равно!

Раскидаю дни

Разбросав дела, я смотрю в окно.
Новый Год, февраль – всё прогнал за дверь.
Вроде лето шло, только где оно?
Что произошло – не пойму теперь.
Досчитаю я ровно до семи,
Разбросаю дни-будни запросто!
И пускай вокруг буйство осени,
В городок рвану вроде Павловска.
Не заметен он пусть на глобусе –
Всё равно люблю этот дивный край!
Я умчусь туда на автобусе.
Ну-ка, радио, веселей играй!
Пусть не все дела дома сделаны,
И не всё сбылось, что намечено.
На дорогах снег и метели, но
Буду в Павловске этим вечером!

Анастасия Картавцева

Магистрант факультета журналистики. Полуфиналист «Филатов-феста», публиковалась в журнале «Подъём»

Снежинки

Я живу под самой крышей старого здания –
Жёлтого, с обшарпанными колоннами.
Вроде архитектурного памятника...
Скоро его перекрасят заново
В такой же безжизненный жёлтый.
Строго по прежнему плану.
А пока вечерами слабо
Светит настольная лампа
В окне-полумесяце,
Опрокинутом вниз рогами.
Местные жители ходят мимо,
Останавливаются,

Поднимают унылые лица,
Вздыхают:
«Угораздило поселиться...»

А мне всё равно:
Целый день занята я.
Тонны тонкой бумаги
Ровными стопками
Сложены.
Занимают целую комнату.
Я беру по листочку, сворачиваю,
Щёлкаю ножницами...
Обрезки падают вниз
И тают, не долетая до пола.
Пальцы сводит металлическим холодом,
Кольца ножниц покрываются инеем,
Примерзают к влажноватой и тёплой коже.
А снаружи дождь
Перечёркивает стекло:
«Вжик... вжик...»
Раскрываю крохотную снежинку,
Кладу в сундук
К миллионам таких же,
Тоненьких и резных.

Дурно, наверно, складывать их здесь,
Не показывать никому.
Мудро, наверно, не дать растоптать,
Перемазать асфальтовой пылью,
Зажать между стылыми плитами,
Сделать серыми каплями на стекле.

О зиме ли мечтают те,
Что стоят под колоннами,
Словно охотники возле логова?
Обо мне ли они говорят,
Уставшие от работы бумажной?
Как же!
Они говорят о ремонте здания,
Обыденности и боли,
А больше всего о себе.

Белая капля дождя пробивает крышу.
Замерзаю...
Слышите?

Хмарит.
Волчица-зима
крадётся с опаской по улице,
Поскуливает от холода...
А Марье не страшно.
Марья кутает голову
в пуховый платок,
Надевает заштопанный полушубок,
валенки
И выходит.
Шустрый кот за нею выскакивает во двор.
Странно, вчера был рыжий –

Чувствую:
 он прорастает.
 Изнутри тяжелеет плитками мостовой.
 Протекает рекой.
 Из-под кожи колет сосновой веткой.
 Светит окнами сотен домов.
 Звоном колокола
 ударяет острей ножа:
 «Приезжай! Приезжай! Приезжай!»
 Просыпаюсь и отпускает.

. . . .

Так проходит неделя, другая...
 Он плескает в груди родниковой водой,
 Громко скрипит витыми воротами,
 Упирается в спину холмами.
 В памяти плачет строгий иконный лик.
 Понимаю –
 пора возвращаться.
 Я бегу в сапогах-сорокоходах
 Глухими тропами
 напрямик.
 И чем ближе к нему,
 Тем тише колокол бьётся в моей груди.
 Мне осталось какие-то три версты –
 Звон утих.

. . . .

Поворот.
 В мыслях: «Господи, кем я стал?!»
 Вижу:
 города нет.
 Вместо города –
 пустота.

Анна Ковалева

Выпускница факультета РГФ. Участница Воронежского областного совещания молодых литераторов в 2018 году. Участница фестиваля «Бунинские Озёрки» и форума «Осиянное слово» (2018). Участница Всероссийской Школы писательского мастерства Центрального федерального округа и Литературного Фестиваля в Казахстане (2019). Публиковалась в журнале «Подъём»

Трава прошепчет: – Как же странно.
 Ты подорожник лечишь раной.
 И я тебя не понимаю,
 Но ты, живая, хороша.
 Зелёный двор в стекле размазан.
 Как рыба камбала, в два глаза
 Окно посмотрит: – Да, живая.
 И то не рана, а душа.
 И между окнами зажатый

Мой силуэт, мой провожатый,
 Никем не обнятый и смятый
 Воткнётся в стены гаража.
 И небо мерить и не верить
 Я стану у скрипучей двери.
 Смотреть на солнце виновато
 И никого не освещать.

Различаю в мутном далеке
 близость знака.
 На каком же, милый, языке
 ты заплакал?

Как и ты, не знаю ничего,
 как и прежде.
 Вон как славно льнёт седой щекой
 дым к одежде!

Вон какой весёлой бородой
 замечают
 облака наш город голубой!
 Окликая,

птицы пролетают выше крыш.
 Успокоясь,
 ты у мамы на руках молчишь –
 ждёшь свой голос.

Над дорогой, ослеплённой солнцем,
 Сотни невесомых голубей.
 Чёрное, обугленное бьётся
 Между рёбер убранных полей.

Это осень, это осень рядом.
 На исходе города, в лесу,
 Падаю молчанием и взглядом –
 Не живу, а просто взгляд несущу.

Не живу, но дальше взгляда вижу
 Все, что выше и внутри – в земле.
 Свет стриждёт затылок леса, крыши,
 Тени-пряди тянет по золе.

И насколько пепел смотрит пусто,
 Вот настолько лес дыханьем жёлт.
 Под травой потухшей, мёртвой, хрусткой
 Чернозёма мускул напряжён.

Сказка

Вспомни добрую сказку сначала.
 Так голоса мало.
 Это ты в меня веришь вот так, чтобы я зазвучала.

Но внезапная боль разверзается страшной воронкой,
 И я падаю вниз, исчезаю за глиняной кромкой,
 Где счастливое детство не может ещё раз случиться.

Лишь кувшин покачнётся, задетый нечаянной птицей
Или веткой шиповника. Сжатая шея криницы
Каменистый кадык для меня выставляет – разбиться.

Мне запомнится дом. За окном, словно обморок, утро.
Костный мозг перепутанных веток, злорадный смех
уток.

Здесь впервые нащупает в горлышке зёрнышки пульса
Повзрослевший ребёнок, который замёрз и проснулся.

Зоя Колесникова

Член Союза писателей России. Автор восьми стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах «Подъём», «Наш современник», «Берега», «Новая Немига литературная», «Молодая гвардия» и других литературно-художественных изданиях. Лауреат премий «Кольцовский край» (Воронеж), Святой Татианы (Санкт-Петербург), премии Николая Гумилева (Коктебель)

Без тебя

Что вы, деревья, мне скажете?
Что мне нашепчет трава?
В этой пожизненной пажити
тонут и тают слова.
Сохлые тонкие ветви ли,
выводок уток в пруду
самозабвенно поверили
в праздничную ерунду.
Желтое, колкое слишком,
так одичавшее впрок,
смотрит глазами мальчишки,
не выучившего урок.

Ничто не предвещало холода.
Земля была приветливо прогрета.
Мелькали дни. Смыкались города,
как тьма и свет, совсем сойдя со света.
Там было тяготение меня
к тому, что называется «до смерти» –
тень мотылька на линии огня,
там, где всегда и до «всегда» – о лете.
И вот теперь мне видится броня
твоей души у каменной избушки,
где не узнать, любимую, меня
в той, у окна, почти слепой старушке...

Ничто не предвещало холода.

Нет времени, надежды, где сомненья
Вдруг взяли верх, смятенью вопреки,
И вывели на то, другое зренье,
где нет печали, смерти и тоски.
Где свет горит не ночью...Беспрестанно

Играет музыка великих мастеров...
И люди двигаются странно
Порывисто, летяще... у костров.
А рядом есть всегда моё жилище...
Вода и хлеб – на прибранном столе,
где никогда, никто меня не ищет...
И нет меня на маленькой Земле...

Раскрываются почки навстречу грядущему дню...
Никого никогда я в уходе своем не виню,
Ничего он не значит среди многих и множества
лет...
Улыбаются мимы, их радует солнечный свет...
Собирая особый весенний нездешний уют,
Среди Галактики звёзды как птицы-синицы поют...

Раскрываются ставни... И Неба раскрыты глаза...
Где душистые листья, там будет сегодня гроза...
Там разложены ноты на дивной палитре весны,
Накануне тепла в ней цвета и оттенки нежны...
И смешно и нелепо глядеть, как всегда, на восток.
Пробивается к свету живой неуклюжий цветок...

А жизнь почти что прожита...
На горизонте лишь остались
любовь, раскаянье и жалость:
«Ах, если б с чистого листа!..»

Ошибки все бы зачеркнуть,
убрать нежданные помехи...
И вновь наметить добрый путь,
где ждут удачи и успехи.

Всё было – ливни и дожди,
отъезды, встречи и разлуки...
Всё было – радости и муки,
и восклицанье: «Только жди!..»

Теперь и внука дождалась,
Любви и кроткой, и щадящей...
Но отложилось в долгий ящик,
что предназначено сейчас...

Виктор Колесниченко

Выпускник филологического факультета. Печатался в журналах «Подъём», «Московский вестник», в коллективных сборниках и альманахах. Автор шести поэтических сборников

Последних яблок две корзины
Стоят у закрытых дверей,
Как две собаки, ждут машину.
Последний выезд в октябре.

Гуляют по дорожкам листья.
Куст розы – кокон из рогож.
Всё оглядишь, со всем простишься,
Сложив октябрь, как верный нож.

Ворота загрузят, скрипя:
«Ну как нам жить тут без тебя?»

Липы над тёмною речкою.
Красный застывший закат.
Под отпылавшею свечкою
Плотно наплывы висят.

Облачной твердью нетающей
В край, где светло и покой,
Плыть бы да плыть затихающей
Тёплой молочной рекой.

Мне снилось, что я стал рекой,
И был я и широк и светел,
Вольготно было берегам со мной,
И был своим неудержимый ветер.

И я проснулся. А река уснула,
И снилось ей в объятиях июля
Под этой нерушимой тишиной,
Что стала мной.

Дмитрий Колесниченко

Выпускник филологического факультета 1996 года

Старый Машмет

Время приходит сюда несмелым
Парнем из чужого района,
Решающим в целом
Довольно простую задачу –
Дойти до нужного дома
И не угодить под раздачу:
В тени заводских труб
Народ часто бывает груб.
Этот век на Машмете чужой.
Тихие дворы заросли травой.
Из-под асфальта зубами дракона
Прорастают булыжники мостовой –
Уложенное при закладке района
Оружие пролетариата
Довоенной порой,
Году в тридцать девятом,
В тот самый год,
Когда был построен завод,
Давший Машмету имя.
Убитая «шестёрка» едет мимо
Ещё довоенных коммуналок,
С гербом, как графская карета.

И хоть вид «шестёрки» жалок,
Бутылка и бейсбольная бита
На гербе – символы Машмета.
Девиз дополняет предметы быта.
Снизу – год основания района
Сверху – маленькая корона.
В машине едет, суров,
Носитель местных понтов.
Речка в берегах из песка,
Где проходит Машмета граница,
Сбросами завода СК
За долгие годы
Сделанная мертвее Стикса,
Приняла в свои воды
Бездну всякого яда...
Здесь оглянуться надо –
По одну сторону границы
Время тянется, по другую – мчится.

В гостях

Ну, здравствуй! Извини, не смог на годовщину
Сюда добраться. Снега – коню по грудь.
Я помнил. И не стал бы сочинять причину
Остаться дома. Мне хотелось помянуть,
Но выбрался вот лишь сегодня. Пасха, то да сё...
У нас все в общем-то нормально. Ты и сам,
Наверно, это знаешь. Тебе оттуда видно всё,
Как мне наш двор с балкона. Я сто грамм
За встречу выпью. За твоё здоровье! Прости.
Сморозил глупость. В общем, за тебя.
А впрочем... Пока я помню, ты почти
Живой, а значит – будь здоров. Я это не шутя.
Увидишь если, передай привет Василию.
Наверняка он там с тобой сосед.
А помнишь, за грибами с ним ходили?
Таких лесов, как здесь, на небе нет!
О чем хотел еще сказать? Про жизнь
Просить не буду твоего совета,
Но если можешь – как-нибудь приснишь,
Чтоб ясный день, и чтоб макушка лета,
Роса блестит слезой, и мне двенадцать лет,
И друг Василь шагает рядом с нами...
И твоего надгробия здесь нет.
И мы идем за белыми грибами...

Серебро

Блеск золота – цыганский, самоварный,
Коронки, перстаки и цепь на шее...
Есть в нём купечество, но нет в нём тайны –
Блеск золота таиться не умеет.

А серебро – в окладе на иконке,
У серебра – неяркий, тихий блеск,
Скрывается, как на цепочке тонкой
Укрылся на груди крестильный крест.

Константин Кондратьев

*Выпускник экономического факультета,
член клуба поэтов «Лик»*

*** (Воронежские тетради)

«Возвращаться – плохая примета...»

Начало новой тетради
отмечено старыми вишнями...
(бывало и «карими вишнями»,
бывало – и пришлыми вышними...)
но нынче – чего это ради?..

Начало новой тетради
отмечено щами домашними
(бывало и «щами вчерашними»,
бывало – и чёрными пашнями...)
но нынче – чего это ради?..

Начало новой тетради
отмечено капелькой, тающей
в очках... (собачонкою, лающей
на снег, все следы заметающий)
– белейшей заутрени ради...

*** (Закат над поймой сегодня)

Подтаявший снег не надёжен для шага.
Потеряна тропка в сухих камышах.
Тростинка, преломленная, будто шпага,
и флейта, и дробь барабана в ушах...

– Трясти, словно груши – тугие наросты,
и пухом лететь, и свалиться ничком...
Сочится сукровица из-под коросты.
И тянет по пойме дразнящим дымком.

– К обрыву, который никак не решится
закатом обжечь обнажённый шамот...
Посеяна рознь. И под небом вершится
гражданская казнь...
– Но горит эшафот.

«Чур-три – нет игры...»

Няня, можно – понарошку
Я мочёную морошку
попрошу?..

Попрошу печатный пряник,
Попрошу хохлацкий драник,
анашу...

Попрошу лежать у печки,
Попрошу на чёрной речке
алый снег

Под лучом косым январским.
Попрошу подарком царским –
детский смех...

Попрошу покой и волю,
Попрошу кузэна Колю
и Annette...

Только – можно? – понарошку...
А себе оставлю крошку:
белый свет...

Вспомни – лепёшка
в бабушкиных руках...
дохлая кошка,
вмёрзшая в снег в кустах...
Был ли ты счастлив?.. –
Ну-ка! – поди откажись...
Богом умаслен –
Мир обращался в Жизнь.

*** («Торжество Православия»)

В этот день на земле
жизнь являет раздрай и разор –
словно навеселе
неприкаян блуждающий взор:

нет виновных – лишь лёд,
только крошево глушит пути....
И никто не придёт,
чтоб исправить иль просто спасти –

только ты и Господь:
дело рук и простые слова.
Только смертная плоть
как основа Его Торжества.

*** (В саду)

«...закусим хлебом или сливами...»

День – лягушками, солнечным ужиком –
злыми мухами в зное звенит он...
– и никто кроме нас тут не нужен нам,
упоённым хрустальным зенитом.

Ночь – сверчками, смешками, кузнечиком –
перепёлкой в траве, знобким зябликом...
– ни того, ни другого крыть нечем нам,
закусившим адамовым яблоком...

Оксана Лесовик

Выпускница юридического факультета, старший лаборант кафедры конституционного и муниципального права. Автор пяти стихотворных сборников. Участвовала в трёх Воронежских областных совещаниях молодых литераторов

Утро

Туман клубится под ногами,
Он с губ срывается клубами,
А мне бы этими губами
Сейчас коснуться губ твоих,
Но драп углом у рта, он грубо,
А не с любовью колет губы,
И труб серебряные тубы
Блестят от капель золотых.
Я заспешу, и эхо тоже,
Оно вдогонку песню сложит,
И шумом звуковых дорожек
Заполнит тишину двора.
Автобус вспыхнет жёлтой фарой,
Махну рукой с тобой на пару,
И с губ спорхнёт горячим паром
Всего два слова: «Мне пора».

Родина в автобусе

На трассе М 4 «Дон»
Качалась я под треск и звон
В кабине старого ЛиАЗа.
И, как всегда, казалось мне,
Что у окошка на скамье
Мне видно всю Россию сразу.
В окне мелькнет сухое поле,
Где летом облака кололи
Колосья золотистой ржи.
Нахохлясь, липы вдоль межи
Трепещут жухлыми листьями.
На поле снег лежит пластами,
И дымка вдалеке дрожит.
Теснятся домики боками
Под перьевыми облаками.
Вороны на опорах ЛЭП
В борьбе за очерствелый хлеб
Роняют на дорогу крошки
И рыхлый, грязноватый снег.
Я вижу всю страну в окошко
И не одна качусь вперёд:
Со мной ступает на подножку
Всей моей Родины народ.
Он многорукий, многоликий,
Он топчет солнечные блики
На прорезиненном полу.
Он возмущается в пылу,
Считает на ладонях сдачу,
Он варежки в карманы прячет,
Качает малышей и плачет.

Он стар, силен, он мал мала,
Он пишет на стекле слова,
Толкает, уступает место.
На всех два клюва, два крыла.
Мне с ним и весело, и тесно.
На трассе М-4 «Дон»
Качалась я под треск и звон
В кабине старого ЛиАЗа.
И на меня через края
Глядела Родина моя
Своим многомиллионным глазом.

Крошки

Белый дым из труб котельной
Овекает крест нательный
Каменной груди.
В пелене и крест, и трубы.
Клёны кутаются в шубы,
Улица гудит.
Распахнув своё окошко,
Кто-то вниз роняет крошки
На искристый лёд.
Сизокрылым не до хлеба:
Все они в объятьях неба.
Дивен их полёт.
Кто же мнёт в руках горбушку?
Это девочка? Старушка?
Кто же кормит птиц?
Годы сыпятся и тают,
Как снежинки – белой стаей
Капают с ресниц.
Вытри слёзы, добродетель,
Птиц спасали руки эти.
Им бы нас спасти.
Так бесценными дарами
Обернулись утром ранним
Крошки из горсти.

Аппликации

Небо сыпется нам на головы,
Оно крошится, словно олово,
Распадается на морозе.
И на белом – как аппликации –
Черноконтурные акации.
Белоконтурные берёзы.
Только наши следы под вишнями
В этом белом коллаже – лишние.
Мне бы ножницы и белила,
Я б картину перекроила,
Только волю дай перешить.
Но остались бы среди снега
Два наклеенных человека.
Пусть не к месту, но для души.

Жизнь

Я стрелка на часах. Я восемь,
В окне темнеющая осень,
Мелькнувший краешек пальто.
Я каждый встречный. И никто.
Я электрический разряд,
Что затрещал в шерстинках драпа,
Я след в грязи собачьей лапы,
Высоких сосен стройный ряд.
Я пар, слетевший утром с губ,
Я пожелтевший старый дуб,
Трамвайный звон и колокольный,
Я путь прямой и путь окольный,
Я чувство, звук, я вспышка света.
Висок под дулом пистолета.
Неописуемый восторг,
Переполюнящий сознание, —
Я жизнь, основа мироздания,
И я веду со смертью торг.
Неравный бой, смешной обмен:
На время, вложенное в тело,
Чтоб время сыпалось, летело,
Крутило вихрь перемен:
Чтоб сосны небо подпирали,
Года вертелись по спирали,
Младенцы плакали в домах,
Родные утыкались в плечи:
У сущего такой размах,
Что вам платить за это нечем.
Лишь время, вверенное в руки,
Поможет взятым на поруки,
Не прерывая вечный круг,
Успеть создать за сердца стук.
И крикнуть в вечность из могил:
Я мёртв, но смерть опередил.

Анастасия Лихачёва

В 2019 г. окончила магистратуру факультета журналистики

Моей кошке Бусине

Бусина пахнет цветами,
Весенней землёй в ночи.
Снежинками, проводами,
Посыпкой на куличах.
Моею бессонной тревогой:
Умрёт, пока я живу.
Пепельным вихрем, немного,
Скользящим в безбрежную тьму.
Римской балладой, гуашью,
Потоком моих надежд.
И утренним ливнем вчерашним,
Ответом, которого нет.

Юлия Лора (Юлия Дорошева)

*Выпускница филологического факультета ВГУ,
член Воронежского Совета молодых литераторов
при СПР, участник межрегионального совещания
молодых литераторов 2019 г. «Школа Андрея Пла-
тонова», фестиваля «Бунинские Озерки», «Стихо-
борье» и «Русские рифмы»*

Вздыхает лето всей травой,
Крупинками росы на пальцах.
Казаться голой и немой,
И розовой живой водой
Спины касаться.

Упасть в июльскую канву
Цветов и света, полутени
И целоваться на виду,
И не стесняться на виду
У всех растений.

Выслушивать писк комара,
Высушивать глаза от боли.
Верёвка с райского одра
Переплетается в тебя
И отражается в ладонях.

Мне шесть. Гнилое яблоко с небес
Срываю.
Каша. Геркулес.
По-лисьи лес молчит.

Репейник липнет к волосам,
Глаза таращит стрекоза,
Забавна форма колеса,
И воздух не горчит.

Шестнадцать. Дом вмещает мир.
В подъезд выходишь как в эфир.
Из слов рожденный карабин.
И всё твоё и вся.

Упала в реку и плывёшь,
Нутро как перочинный нож.
Влюбись. А дальше разберёшь,
И большего нельзя.

Мне двадцать шесть. Сдавило грудь.
Взмахнуть. Умчаться. Улизнуть.
И обожать в тебе не суть,
Но Божий вздох.

Креститься пальцами двумя,
Но из огня да в полымя,
Загнать тревожного коня
В чертополох.

А дальше страшно. Вкривь и вкось.
Одеться в русское «авось»,
И яблоко с небес сбилось.
И я.

На переправе слов и звука
Несу разбитую строку,
Не долетевшую до слуха,
Непостижимую уму.

Растущий сон к утру расколот
На множество «гиперболят»,
И я топлю их в быстрых водах,
Как недоношенных щенят.

И жизнь моя была не против
Продетых через воротник
Небесных сотканых лохмотьев,
В которых вышел и возник

Звнящий крик всевышней лиры.
В утробе матери Земли
Воскресный камень отворили
И куст терновый подожгли.

Грильяжные дороги усыпаны дождём,
Веснушки на тебе простреливают грудь,
Растущую луну в окне превознесём,
А дальше не уснуть.

Нетленное тепло завёрнуто в кулак,
Нести – не донести по тусклому шоссе,
Я есмь обременённый, труждающийся, как
Забывший в блиндаже.

Не спи, встречай рассвет, лучами перекрой
Нежнейшее из чувств, не сказанное всуе,
Дурманных дорог твой запах полевой
Беру в свои объятья и несущу.

Имей в виду – я ничего не жду,
Ни знак судьбы, ни лавры апогея,
Таинственностью Каны Галилеи
Приумножаем выданную мзду.

Топите письма к старому бойцу –
Мы выжили в волне противоречий,
Скрывать тебя у недостатка речи,
Как спекулянт дешёвую фарцу.

Недосягаем берег кораблю,
В палящем солнце выгорели птицы,
Они просты, как взмах в твоих ресницах,
Умноженные на мою слезу.

Незванным гостем приходи в мой дом,
Не пожелав ни почестей, ни плуга,
Я так и не нашла начало круга,
Законченного под прямым углом.

По проводам, искристым током,
Наполнить тусклым светом мост
Страна, читающая Блока,
Последний поднимает тост.

Дороги пахнут керосином,
Дождь, опускаясь на плечо,
Напомнит, как невыносимо
И холодно, и горячо.

Раздетый вечер душной шалью
Укрыт от сотни спящих глаз,
Покой пугливой серой ланью
Бежит от нас, от нас, от нас.

Маяк небесный водит кругом,
Снимаю с губ последний вздох,
Перевези меня отсюда
И постели у своих ног.

Екатерина Макушина

*Выпускница юридического факультета. Лауреат
Исаевской премии. Автор двух поэтических книг.
Член Союза писателей России*

* * *

На Владыкино продувает куртку насквозь.
Мне сегодня в ночь – нестись по сырым следам.
Мутный жемчуг фонарей, эскалатора хвост,
На запястье нитка – выкуси, не отдам.

Костяная побрякушка, крути-верти,
Чёрный чай без сахара – жар подкатит волной.
Уверяю: власти нет в тебе надо мной –
Выдыхается только тихое «отпусти».

И несёт меня по щиколотку в листве,
Усмехаешься: следи за спиной хотя б.
Укрывает нас изнанкой лиловых век
Самый тёплый за последние сто – октябрь.

* * *

Братец Лис, веселись, я опять влипаю в смолу.
Четырьмя влипаю, чтоб уж наверняка.
Помнишь, давеча раскланялись на углу –
Обдало золой прищуренного зрачка.

Из-под лап лавиной – горькая рыжина,
Я по горло полон, до иссыхания пуст,
И пора за торг, известна моя цена:
Не бросай меня в колючий терновый куст.

Я на выдумку хитёр, на расправу скор.
Запетлять, запутать, вырваться без следа,
В сто какой-то раз моё несytое «да»
Затереть, заштопать, утрамбовать песком.

Ты ступаешь мягко. Ты уводишь на дно.
Выцветает эхо, стелются голоса,
Ну довольно, ишь, заладили об одном:
«Не бросай меня, пожалуйста, не бросай...»

Без дома, без воли, без страха,
Как дышащий камень пустынь,
Ползи по песку, черепаха,
Укором ленивым застынь.

Я сам – из песка и рассказов,
Я лунный заштопанный шар,
Не скулы, но острые скалы
Я взмахом руки сокрушал.

Так что мне лоза и лобзанья?
Отринь, отступи, не гляди.
Мне твой Ханаан наказаньем
Горит и горит впереди.

Постыла небесная манна,
Телец золотой охромел,
Иди же сейчас, без обмана,
Пока легковерен и смел,

Пока, сновиденьем измаян,
Победу несy на крыле –
И ноги твои обнимаю
В далёкой Гесемской земле.

* * *

Я тогда белила белое,
Пальцы бедные – в мелу.
Всё вилась дорога берегом,
Ей ли – к острому углу?

Ей ли боль и быль распахнуты,
Пятна жира, жизни жар?
Я тогда играла в шахматы:
Е 4, окружай.

Пятью пять, тетрадки в клеточку,
Пробужденье, взгляд косой...
Я тогда носила ленточку
С жёлто-чёрной полосой.

* * *

Клокочет дождь, расклеился январь,
Как будто дальше – зной и медуницы,
А новости забудь, не открывай
Размноженные маркие страницы:
Всё те же флаги, галстуки, кресты,
Всё та же тень забронзовелых крыльев.

Пока ещё гуляешь – не накрыли,
И с новой строчки разбираешь ты –
Как в чёрный хлеб подмешивают хмель,
Как засыпает опoённый город...

Даруй мне жить в эпоху перемен.
Даруй, не ограничившись погодой.

Михаил Маврин

Преподавал на факультете философии ВГУ

* * *

Вечер,
сиреневый вздох
тишины,
свечи
фонарных огней
зажжены,
крыши –
ступенями–
в небо, а там
дышит
сиреневая
немота;
возле
черта уходящего
дня
воздух
хрусталит разлив
фонаря.
И невзначай,
на смолкающей ноте
что-то шепнет
тишина подворотен;
вечер подарит,
вечер поранит,
вечер излечит, –
может, навечно.

Тишина

Тишина,
звуки дня угасают в листве
под ногами,
в опрокинутой голубизне
ветер машет седыми крылами,
в опрокинутой голубизне
пенят облако выдохи ветра,
и нисходит к земле
ожидающей – таинство света.
Посреди тишины
на разломе времен и событий
в снах грядущей зимы
серебрятся летучие нити;
осень много дает,
да взамен еще больше попросит,
птиц тревожный полет

ветер хлопьями пепла проносит.
Тишина, тишина –
обломила серебряным звуком,
будто спела струна,
будто лист, опадающий в руки.

* * *

Где-то в сумрачных лесах, лесах
С тонкой веточки обломится звук,
Я хотел бы удержать тебя в словах
Да еще в прикосновениях рук.

Я хотел бы вернуть тебя сюда,
В это таинство сквозных аллей,
Но земля уже утрами седа,
И седые небеса над ней.

Я хотел бы удержать тебя в судьбе,
На ветру не потерять – не обронить,
Я ищу твои следы в листве,
Я хочу связать оборванную нить.

Заметет, закружит, занесет
Там, где ты совсем недавно прошла,
И вмерзает в стекленеющий лед
Позапрошлая уже листва.

Я хотел бы никогда не расхотеть
Все твои любить запретные плоды.
А деревья сыпят ржавую медь
На следы твои, на следы.

Евгения Мучник

Выпускница биолого-почвенного факультета. Доктор биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института лесоведения РАН (Московская область)

Намокшая листва оттенка новой бронзы
Расцвечивает утреннюю хмарь.
И голубь толстый, как китайский бонза,
Обходит важно уличный фонарь.

Кончается сентябрь. Все больше холодает,
Все чаще моросит с бессолнечных небес...
И как я понимаю птичьи стаи,
Пустившиеся в путь под Южный Крест!

Стареет месяц в полную луну,
Цветок стареет, превращаясь в плод,
Но вот чего я с детства не пойму:
В какой момент стареет Новый год?

Когда приходит он в искрящихся снегах,
И в будущее открывают двери

Нам точно в полночь стрелки на часах –
Год ещё Новый, но уже стареет?

Куранты бьют, взлетают фейерверки,
Кому-то кто-то поздравленья шлёт...
И мне уже не хочется, поверьте,
Узнать, когда стареет Новый год!

Весеннее безглагольное

Солнце все ярче!
Небо – синее!
Женщины краше!
Мужчины – смелее!

Птицы все звонче!
Кошки – скандальней!
Чувства все тоньше!
Рифмы – банальней!

Больше улыбок!
Больше букетов!
Это призывы?
Или приметы?

В день 30-летия свадьбы. Ироническая аллюзия

*Мы смежены блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло
М. Цветаева*

А мы с тобой не крылья, нет.
Мы – от простой прищепки части,
Той, что уж три десятка лет
Прицеплена к подолу счастья.

И, как ни прыгает оно,
Его подол мы держим крепко.
И я надеюсь на одно –
Что не сломается прищепка!

* * *

Когда ты вдруг себя не узнаёшь
В случайном, мимолетном отражении,
То чувствуешь предательскую дрожь
И ощущаешь времени течение.

Ты знаешь: где-то глубоко внутри
Тебе двенадцать, двадцать, тридцать три...
И кажется, что вот, еще немножко,
И ты поймешь сакральный смысл матрешки.

Василий Нацентов

Студент факультета географии, геоэкологии и туризма. Печатался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Москва», «Наш современник», «Юность», «Подъём», в «Литературной газете»,

«Литературной России» и др. Лауреат Международной Премии им. В. Аксёнова, финалист Премии «Лицей» им. А.С. Пушкина. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы

Нащупать спинку стула.
Облокотиться.
Дождь среди ночи будто бы невозможен –
потому что невидим,
потому что зимний.
И всё же он есть,
слушай его, слушай.
Как ты перед Богом,
маленький и холёный,
так дождь, ломая коленки,
перед тихой землёй январской:
Сказать – страшно,
промолчать – не имеешь права.

Разве что-то останется?
Господи, хоть бы осталось.
Что мне для этого сделать?
Шорох дерева зимнего
на самом краю дороги, съеденной солью.
Там, где она начинается, и живёт чудо:
радуга ждёт лета,
драгоценные камни нарастают, как иней,
и пахнет хлебом.
Выразить это, конечно, почти невозможно,
но кое-что бледно мерцает:
звёзды, глаза вдалеке, приснившиеся под утро.
Я не слышу музыку,
я не вижу стучащие ветки.
(От мороза, от ветра, из-за вращения земли.)
Но что там, что там
сжимается до человека, крестика, пикселя –
и исчезнуть не может?

Только и делаю, что собираю чужое –
в корзину плетёную, в рвущийся старый ягдташ,
в карманы, набитые пылью, –
не-бывшие, может быть, долгие ночи и дни:
ворох бумаг, на которых исчезли чернила.
Душа моя, этого не было с нами!
Я, выросший в провинциальном уюте,
стеснительном и неумелом,
боюсь, что не хватит картошки,
что закрою затопит весной,
и нечего будет сажать.
Проснусь и шепчу: неужели и солнце, и утро?
А время неровное, с запахом тёплой пластмассы,
воздушных путей мешковатые пухлые ямы.
Тень ласточки их зашивает упрямо,
и дуется небо обиженным толстым ребёнком,
и после обеда большой собирается дождь.
Я знаю, всё где-то хранится, я видел,

во сне проявляются серые мыльные вещи,
но мало вмещается в гордую пригоршню, мало.

о-кажется не скажешь и полслова
о ветке дерева
и дрогнет целый лес
простимся!
нам столько места дали для разлуки
с чугунной ласточкой на память в уголке

Вчера утром на этом месте лежали вповалку
заключённые...
Пройду от порта к площади пустой,
в тенях и звуках путаясь, услышу
за шумом волн осенних, за листвою,
слетающей на воду, –
люди люди
не говорят уже –
как травы дышат
(бараки – временные баррикады)
и я останусь
там среди них
учёный-заключённый-комсомолец
великий-одинокый-пионер

август 2019 года,
Находка

Александр Нестругин

Выпускник юридического факультета. Автор шести сборников стихов, вышедших в Москве и Воронеже. Стихи и эссе печатались в журналах «Дон», «Подъём», «Простор», «Русское эхо», «Гостинный двор», «Сура», «Огни Кузбасса», «Вертикаль-21 век», «Роман-журнал 21 век», «Новая книга России», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и других, в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета». Лауреат премии воронежского комсомола имени Василия Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии «Империальная культура» имени Эдуарда Володина (2008). Член редколлегии журнала «Подъём». Член Союза писателей России

Гимн

Губами дрогну, – звукам гимна
Навстречу... А вот петь – боюсь:
Вспухают в горле, как ангина,
Слова, в которых жив Союз –
Ещё могучий и единый,
Бедой не прибранный к рукам,
Моим не верящий седидам –

И новым ханам и князькам.
Гагаринской улыбки светом
Поднявшийся – за облака!
...Да, там махала партбилетом
Едва ль не каждая строка.
И в этом было мало прока...
И, скопом, их смахнули в грязь,
И – скопом – растоптали строки,
Где Русь – Великою звалась.

Доброволец

Похожий на корявый корень,
Из тех, что держат берега,
Уходит Михаил Луконин
Не в строки – в финские снега.

Там Маннергейм все стёжки выжег,
«Кукушки» там навили гнёзд.
А он вперёд толкает лыжи,
Опять поднявшись в полный рост.

Лыжнёй той заступаясь веско
За тот порыв, за ту страну,
Где шли в поэты без повестки,
И точно так же – на войну.

«Да брось! Война та – мутновата...» –
Диванный критик кривит рот.
...А ветер полы маскхалата
Крупой свинцовой в ключья рвёт.

И, будто нам немим укором,
Скрипит, судьбу пытая, наст.
Уходит Михаил Луконин...
Уходит Михаил Луконин
Не в жизнь минувшую, а – в нас.

P. S.

*Идёшь, на меня похожий...
М. Цветаева*

Крапива жива – стрекаясь,
Похожая на траву...
Я – пальцами резких пауз –
Ткань речи на смыслы рву!

Безумствую ли, бунтую?
Не вызвавший – не перечь!
Я этим рваньём бинтую –
Что в слове нельзя сберечь....

Что строчками не рябило
На выстуженном листе –
Темнело лицом рябины
Сквозь раны её кистей!

И всё, что сквозь бинт сочится,
Алеет сквозь рвань темной,
С тобой – или с ним! – случится,

И будет – судьбе равно.

Святою водой кропили...
Зашили травой уста...
А я всё кричу – крапивою,
Кладбищенскою крапивою,
Касающейся креста...

Кольцевая

На жизнь хватало – рублёвки мятой,
И жизнь бурлила, а не стекала...
Как газировка из автомата –
С дымком сиропа на дне стакана!

На жизнь хватало – звонков трамвая,
Колёс и рельсов вечерней спевки...
И кружки пива, где кольцевая, –
За двадцать вроде... и две копейки!

И с губ ронялись, помимо сора,
Слова, что жили – лучась, кручинясь.
И жизнь сходилась для разговора
О том, что с нею, дурной, случилось.

И всё, что лили в Кремлёвском зале,
Тут и паялось, тут и лудилось,
И не делилась, не расплзлась
Страна большая – в кружок сходилась.

...Всё разобрали – страну и рельсы –
На лом, в карманы... Где кольцевая,
Сигналят в пробках «рено» и «мерсы»,
А я, сутулясь, всё жду трамвая.

Течение

Друзьям молодости

Как ныне – я не знаю, будет присно ли? –
Как нынче, в нашем куце настоящем,
Цепляемся мы друг за друга письмами,
Что век назад бросали в синий ящик!

Желтушными от реактивов снимками
(Они теперь, казалось бы, зачем нам?),
Где что ни кадр, там все стоим в обнимку мы –
И чуть в наклон к незримому теченью...

* * *

Слабеет темнота заплечная;
Где вяз в воде, где берег крут,
Сазаны, выходя со «свечками»,
Седой заре поклоны бьют!

И с кручи дуб глядит – Добрынею,
Хоть край – живую ниткой шит
Его корней... И жизнь обрывную
Подмытый берег не страшит.

Она листвы полёт над кручею –
Зажала в жёлуде литом!
И желваки гоняет кручево
Угрюмоглазых омутов...

Ирина Олей

*Учится на втором курсе магистратуры
экономического факультета*

Мой друг, так умирает осень,
От листьев пепел разметав вдоль сосен.
Их плодородный примет чернозём.
И будет снег, под снегом будут шишки,
Их соберёт доверчивый мальчишка
И в рукавицах к дому принесёт.
Кому стареть, кому идти по свету,
А нам с тобой не сожалеть об этом,
Да и о том ушедшем дне.
И, может быть, меня ещё раз вспомнишь,
Когда за шторы закрадётся полночь,
И засопит твой пёс, мохнатый точь-в-точь,
Как это небо в зимней вышине.
И ты теперь не сожалей об этом,
И не ищи ненужные приметы.
Их нет.

Дотронься до засохшей ветки,
Листвы не ощущая. Странно,
Как этот дождик летний редкий
Траву врачует неустанно.
И шепчет ветер грустной песни
Знакомый, но чужой напев,
А сердце ждёт далёкой вести,
От холода оторопев...

Так ярок свет, так светел сад,
Где аромат от сладкой мяты
Парит меж крыш, уснувших в ряд,
Домами в скобы крепко взятых

Ах, им взлететь бы в вышину
Небесную за голубями,
И, опустившись в глубину
Бездонную, стать кораблями

И плыть за облаками вслед,
Крылатыми, за мачты их
Цепляясь, забывая след
Невзгоды и забот земных.

Эльвира Пархоц

*Выпускница филологического факультета ВГУ.
Работает в лингвокраеведческой лаборатории им.
проф. В.И. Собиенниковой при кафедре славянской
филологии. Член Союза писателей России*

Свадебная

Расплясались бояре – осенние ветры,
В пыль втоптали мою золочёную чару.
Тучи пали на красную горку заката,
Точно палех.

Слышу гром бубенцовый – всё ближе к крыльцу.
Вполз туман сединой под рогатую кичку.
Волю пропили – в дальних соловьих садах
Ливни свищут.

Мне ли с лавки привычной в понёву вскочить,
Будто с жёрдочки треснувшей – в прорубь?
Колкий пояс замкнётся холодным кольцом...
Только жёрдочка гнётся, не ломится.

А я встану чуть свет, погляжу за ворота –
Мчат каурые прочь круговертью осинной.
Вышьет иней рубашку из белых холстин
Белой нитью.

Карта Воронежской области

Ночью карта Воронежской области
Превращается в певчую птицу
И летит, расправляя крыла.
Где падёт её тень – прорастают былинки названий:
Зеленеет осоками Усть-Муравлянка,
Первым ливнем гремит Погромок,
Бьёт копытом Олень у студёных колодезей,
И шумят Липяги, и Сластёнка смеётся,
И белёсым лозинником плачется Горюшкин,
Лебединка плывёт по ковыльным озёрам,
И волной в камышах шелестит Шепелиновка,
Легкодымовка стелется пегим туманом,
И поёт Кочетовка, щебечет Синичкин,
Дерезовка грозит рогатым прутом,
И лохматой лисицей мелькает Вихляевка,
Чабрецом по откосам взбегает Крутец,
Колет руки хвоинкой Лесное Уколово,
И янтарной смолой проступает Еланка,
И ветвится корягами Россоховатый,
Обнимает ветра на прощание Ростань,
Россыпное сверкает замёрзшей росой,
И Мокруша дождит, и звенит Листопадовка,
И бредёт Сапожок по размытым полям,
И рыжее осенней краюхой Окраюшкин,
Отражается льдистыми сколами Грань,
Полубянка белеет холстами у пролуби,
И блещут Островки, завивается Быстрик,
Кучеряевка ходит небесным гуртом,

Расцветает на пыльных межах Подорожное,
Ворошит Хворостань полустёртую вязь,
Ручейками морщинок лучится Дедовочка,
И зарёй разливается Красный Лиман...
Наступает
 рассвет.

Заморозок

Ниткой чёрных стрижиных бус
Лето звонко оборвалось.
Сквозь опавший листок небес
Мелкий дождь прорастает из зёрен-звёзд.

Перевернутый мир разбит
Ломкой льдинкой под каблуком.
Ты уехала скорым в ночь
И не плакала ни о ком.

За вагоном луна по лесам,
Раздирая о ветки платок,
Всё бежала. А я стоял,
Обездвиженно-одинок,
Как коломенская верста.

Повторимся на новый лад
Колеями комет и рек,
Оставляя кленовый лист
На воде гореть.

Яблоневые сады

*Там летел павлин через улицу,
Он сронил перо серёд улицы,
А поднял перо добрый молодец.
Мне не жаль крыла, жалко пёрышка...*

Рекрутская песня

Ты опять
 вдоль садов,
Между вырубками,
 к новостройкам
Ускользнёшь
 звонким кружевом,
 талой водой,
Лепестковой позёмкой.
И уронишь лебяжье перо
В окоём.

Подберу
 на восходе перо.

...Налетают когтистые хмари.
Белым золотом яблочный гром
По листам оцинкованным катится.
Тень чужая над садом ползёт.

Как же мне
 гниль и гарь
 зарывать в глинозём,

Не тащить каждый паданец
На люди?

...Ветка срублена.
 Тихо на ней
Прорастает строка
 по весне.

Константин Переплётчик

Студент факультета РГФ

Бессмертный

Давно уж он по миру скитается,
А что его влечет в даль невиданную,
Никому не дано это и узнать.
И лишь сам бессмертный ведает ответ,
Но не говорит ни одной живой или мёртвой душе,
Что лишь свет, тьму разрывающий
И раны исцеляющий, отыскать желает.

И времени много так минуло,
Эпохи меняли друг друга,
А в сердце, как и раньше,
Одна лишь пустота и ноющая боль.
И задаётся бессмертный вопросом:
«Ужели во всём свете белом
Нет того, кто спасение от сумрака,
Тьмы беспросветной мне бы даровал?»

Елена Правда

Выпускница филологического факультета Воронежского госуниверситета, доцент Воронежского государственного педагогического университета

Прожит день. Ещё один
На иглу, как чек, нанизан.
Был он сложен из капризов,
Драматических картин,
Из нерадостных вестей
И пустых переживаний,
Из несбывшихся желаний
И непрошенных гостей.
Из каких-то глупых встреч,
Из обид непониманья,
Из усмешки на прощанье...
День прошёл – и до свиданья,
Словно груз с усталых плеч.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета, давний участник Дней поэзии ВГУ. Публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия», «Подъем», детском журнале «Пионер», «Костёр», «Мурзилка». Член Союза российских писателей

Осип Эмильевич

Должно быть, я к его стихам пристрастен,
поскольку в чудо-мастера влюблен.
Поэт хорош, да памятник ужасен:
блаженного напоминает он.

Его таким хотели видеть власти:
он, дескать, сбрендил, он сошел с ума.
Неисправима власть, она отчасти
неполноценной выглядит сама.

А Мандельштам не отступил, не сдался.
И на краю неотвратимых бед
упрямо вольнодумцем оставался,
а не певцом диктаторских побед.

Его стихи я знал не понаслышке,
в них искренности больше, чем игры.
Я те стихи выписывал из книжки
особой самиздатовской поры:
«Лишив меня морей, разбега и разлёта
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли...»

В неосвященных переулках замять,
а я с букетом роз, почти во мгле,
иду почтить не памятник, а память
поэта, что погиб на Колыме.

Золото

Олимпийские медали
свой престиж не потеряли,
но порой совсем не спортом
пахнут в памятные дни,
ибо с болью, с кровью, с потом
добываются они.

И неловко мне и тошно,
если, будто с голода,
голосят вокруг истошно
про медалей золото...

Ничего, что я не буду
в победительном ряду
и награду не добуду,
ничего, не пропаду.

Что мне суетные даты
поздравленья и т.д.
Написать бы, словно Данте,
о проигранной судьбе.

О земном кромешном аде,
где страна расколота,
написать не славы ради
и не ради золота...

Наши помыслы – не высь,
наш кулак – не силища.
Нам бы всем перенестись
временно в чистилище.

Сколько душ в житейском поле
злостью перемолото,
сколько слез от горькой доли,
Ну а мы – про золото...

Окраина

В шалмане душном выцветают шторы,
а тишина тревогою полна.
Саратовские хмурые задворки –
и девочка недвижно – холодна.

Бомжи с утра не водку пили – колу,
с утра на водку муторно смотреть,
а девочка – она спешила в школу,
спешила в школу, а попала в смерть.

Её насильник не казался грозным,
нашли под вечер девочку уже
на мешковине в гараже бесхозном,
заброшенном, забытом гараже.

А рядом от учебника закладка,
багровый след на кружевном платке,
а рядом полусмятая тетрадка
с переводной картинкой в уголке...

Сороки приумолкли на пригорке,
но, будоража слободской пейзаж,
братались криминальные задворки,
сродни которым душегубец наш...

Преступный мир железом бы калёным
пора повыжечь, как бурьян, скосить,
да только жаль, что никаким законом
ту девочку уже не воскресить.

Поездка по России

Поэт с трудом добрёл до тишины
и на кровать прилёг, не сняв одежды.
Какие снились Евтушенко сны
в гостинице утраченной надежды?

Бессонница тревогою томит,
болит нога и угнетает старость.
Поэт уснул, а всё-таки не спит,
Утихла боль, а всё-таки осталась.

Он полстраны в полон когда-то брал,
гордясь эпохой и чуть-чуть собою.
Он пушкинским заветам присягал,
к державе прислонясь своей судьбою...

Ушёл Булат из жизни насовсем,
ушёл и Роберт, и Андрей, и Бела...
И как бы нет взрывоопасных тем,
поэзия притихла, присмирела.

Содружества писательского нет.
Кругом одни коммерческие службы.
Иосиф Бродский, истинный поэт,
ушёл туда, где ни вражды, ни дружбы.

О собственном уходе, о конце
Евгений Александрович не думал.
Расправил все морщинки на лице,
обида все, как паутинку, сдунул.

Он понимал: всевышний не придёт
улучшить мир. Но, не смыкая вежды,
живёт надежда, всё-таки живёт
в стране почти утраченной надежды.

Валентин Рахманин

*Доктор философских наук,
студент ВГУ с 1948 года*

Не время уходит в дороге.
Бреду по дороге я;
Глодают неспешные ноги
Мгновения бытия.

Могу укротить километры.
Но время унять не могу.
И своевольным ветром
Мгновенья куда-то бегут.

Какие их манят соблазны
На радость иль на беду?
Судьбу ль озареньями дразнят,
Иль молча в забвенья падут?

И всем обстоятельствам данник,
Из тьмы поднимаясь на свет,
Мгновенье таит свою тайну
И бытия раскрывает секрет.

Мне в вечность не выдадут визу,
И многое я не пойму.

Мгновенье бросает мне вызов.
А чем я отвечу ему?

Играть не способен я в прятки,
В мгновеньях крутя виражи.
Но надо решать загадки,
Свою конструируя жизнь.

Смена веков XX / XXI

Был век современным,
А стал
ушедшим и прошлым.
Время ведёт свой счёт.
И, разбирая
событий крошево,
Недоумённо,
как собственный пленник,
Правду ищет народ.
Находит,
теряет
и забывает
Истории горький урок...
Неутомимо
мгновенья
ссыпают
Свой
судьбоносный песок.

Колокольчик звенит издалёка.
Не ко мне, не ко мне, не ко мне...
И вздыхает мой день одиноко,
Догорая в закатном огне.
А бывало, бывало, бывало,
Мне стучали и в дверь, и в окно.
Но друзей моих мало осталось,
И не греет душу вино.
Ну и что, ну и что, ну и что же...
Никого не могу упрекнуть.
Не спеши хлопотливо итожить,
Торопливая стрелка минут.
Тайна сказок не сделалась былью;
Только правды у них не отнять...
Всем спасибо, со мною что были
И умели жить и мечтать.
Колокольчик почти беззвучел.
Но его возвращенья дождусь.
Наплывают тяжёлые тучи
К урожайному, в радость, дождю.

Никто не догонит вчерашний день,
А завтра не каждый встретит.
Поверил кто-то высокой звезде,
А кто-то доверился ветру.

А совесть кто-то пустил в оборот,
И мечется сердцебиенье.

А чтобы судьба не пряталась в тень
И ложь не гуляла бесстрашно,
То, устремляясь в завтрашний день,
Не забывайте вчерашний.

Выпускник физического факультета 1979 года

...В ночную возвращаясь муть,
Кляня погоду эту,
Я задержался, чтоб взглянуть
На памятник Поэту.

«Ну, что глазеешь? – Залезай!
Поговорим, посудим...
А хочешь – сверху пожелай
Добра и мира людям.

Сию среди толпы один,
Хоть с кем бы побрататься!
Вон, рядом книжный магазин, –
Жаль, не могу добраться...

Я людям книги завещал
Как светочи свободы...
Читать, наверно, больше стал
Народ за эти годы?

А может, в праздной суете
Он гибнет бестолково,
И в безъязыкой немоте
Навек забыто Слово?

Скажи, как вы живёте тут,
Иные поколенья, –
В почёте ли упорный труд
И творчеств озаренья?

Сколь нынче ценен Человек,
И что его тревожит?
Неужто понапрасну век
За веком был мной прожит?

А как там нынешняя власть
Мозги не растеряла? –

И что Европа к нам – дружна?
В союзниках? Продажна?
А Русь, великая страна,
Сильна, крепка, державна?

Скажи мне всё про Отчий край,
Словесность и науку...
Ну что, решился? – залезай!
Держи, дружище, руку»...

И я полез... Глаза горят!
Уже я рядом с Ним!
Тут слышу – снизу говорят:
«Пройдёмте, гражданин!»

Юрий Рогулькин

Выпускник экономического факультета 1967 года

Из поэмы «Шестая симфония»

Что же должен был перестрадать человек,
чтобы написать подобную вещь!..
М.А Балакирев
Из сердца вырвались слова
Ю.С. Рогулькин

I
Я, кажется,
 всего не понимал,
Охваченный магическим звучанием...
Чуть дрогнул зал,
 как спящая листва,
Разбуженная соловьиным обаянием!

В дрожащей, удивленной тишине
Повел фагот
 в мир грусти и печали...
Мне слышится –
 в промокшей синеве
Крик журавлиный жалобно растаял...

Как будто бы
 один я зачарован...
 И только мне лишь
 в сердце горячо,
 Когда кудесница – мелодия
 не больно
 Пронзает сердце
 солнечным лучом.
 Вот дом загадочный
 запрятался в Клину.
 Его построили,
 наверное, снежинки.
 Таинственно звучит он
 в голубом дыму...

Дробятся,
 падая,
 жемчужины-росинки.
А взгляд окон совсем не потускнел!
Здесь длится жизнь
 в нетленных признаках.
И бродят...
 бродят в утренней заре
Усатые седые призраки.
Потрогал бережно
 его рояль
Растерянный,
 вконец смущенный
 Клиберн...
А звук в окно,
 как птица –
 в май!
Куда-то вдаль
 летит...
 летит...
Где горизонт не виден.

II

Вдруг гром аккордом
 ринулся, как ливень,
И к свету, к солнцу
 рвется человек,
Так взрыв души необъяснимой силы,
Потряс Вселенную,
 и в мой ракетный век!

А вихрь оркестра
 поднял тучи снега,
И ветром бешеным
 такое закрутил!
Что не найти спасителя-ночлега.
Во мгле кромешной
 он совсем один!
Туда...
Туда...
Где ликовало солнце!
Сиял улыбками задорный хоровод!
Буран беснуется...
В буране – ни оконца.
Ну!
 шаг еще...
 вперед,
 вперед,
 вперед!
Метался человек,
И так весны хотел он!
Усталыми руками
 рвал и рвал буран,
А марш спасительный...
 с надеждой,
 с верой
Тропинку в жизнь,
 слабея,
 пробивал!

Лев Рудковский

Выпускник естественно-географического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института, работает в Зональной научной библиотеке ВГУ (редактор, ведущий библиотекарь). Член Союза писателей России

Внутри волшебного кристалла
Поляна. Лето. Тишина.
Желтеют сосны перевала,
Над лесом радуга видна.
А приглушённый шёпот лилий,
И крутизна горы над нами,
Да облака межзвёздной пыли,
Как полыхающее пламя,
Манят в созвездие Весов.
Шаги. Не слышно голосов,
И неуютно в хмурый день,
И солнца нет. Сплошная тень.
Вот у подножия хребта
Слышна таинственная трель.
Темнеет неба акварель,
И ночь стучится в ворота...

Воронежская зарисовка

Я не просто в тупике –
Тупичке закрытом.
Мост Чернавский вдалеке
С лодочною свитой.

В переулке – теснота.
По Манежной – к саду,
Разноцветные цвета
Сказочного града.

Две Суконовки – в огне
Вяленого солнца.
Может, вспомнят обо мне
Спящие оконца.

Над рекою мчат ветра
На игрища гроз.
К тихой пристани пора –
В заповедник звёзд.

Благая Весть

Деревья в сквере словно тени,
А купол храма выше туч.
Прекрасны утром солнца луч
И свет духовных песнопений.

Опять в соборе многолюдно,
Сияют стены белизной.

Молюсь – Ты, Господи, со мной!..
Колокола зовут к полудне.

Душе благая весть нужна,
Как ручейку весною силы,
Как птице сирой и унылой
В морозы пригоршня пшена.

Сегодня мир кристально чист.
За всё, Господь, Тебе хвала,
За Благодсть, Светлые Дела.

Как за оградой храм лучист!

Деревни, брошенные сёла
В печали доживают век.
Дома забиты и пусты.
Закрыта маленькая школа,
И окна прячутся в листве.

Белеет пруд уединённый,
Вода недвижна в камышах,
Густых хлебов золотое море
Поёт негромко песню клёну.
Не надо слов: жизнь хороша.

А звёзды смотрят на дорогу.
Задумчив дом сегодня, тих,
Давно темны глухие окна.
Кого мне ждать здесь, у порога?
Не сон ли это во плоти?..

Лишь в дни осенние тоскливо,
Сад шепчет утром еле слышно:
«Останься. Помни – я не вечен...»
Деревья грустны, молчаливы,
И у калитки сохнут вишни.

Но сад заросший всё же жив;
Спит за оврагом старый лес,
Несётся свет к земле потоком,
И растворится в спелой ржи
Осенним утром синь небес.

Сергей Рыбкин

Выпускник экономического факультета. Финалист Национальной премии по литературе (2018), Всероссийского литературного форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово», Всероссийского литературного конкурса «Зелёный листок». Публиковался в журналах «Подъём», «Мысли(!)», в интернет-изданиях «Сетевая словесность», «Прочтение»

Рассеянный вызов, захочется в небо смотреть,
и мглу пробивать, говорить о любви и о смерти,
как с воздухом голос вплетается в тьмы круговерть,
как рады в рядах пополнению твари и черти!
Не-ангел с трубой, говорящий о боли, об истине,
печальный дурак, обчарованный временем гость,
здесь ветер большой, как мне малому, нежному

выстоять

и к небу нести свежих слов неподъемную горсть?
О ласточках-ножницах, режущих воздух в полях,
грудной тесноте, густоте травянистого гула,
о том, чтобы жить, в трудовых застревая солях,
и не-навести на висок бесконечное дуло.

Как страшно жить, когда ты в наготе,
в распахнутом окне под сквозняками,
и ночь рисует солнце в темноте
чернилами густыми.

Ходят сами

по комнате предметы, – говорят
о завтрашнем полете, о вчерашнем
падении, и лампочки горят
над миром,

путеводными не ставши.

Мне дышится прерывно и внатяг,
чужие люди шепчутся у окон,
влюбленные над городом летят
и вьют из яблонь яблоневого кокона.
Но сколько их, летящих надо мной, –
сцепившихся и спрятанных на крышах?
Любовь стучит, как будто домовою...

Я ничего не слышу.

От приплюснутых листьев, рассыпанных в нашем саду,
до сиреневых дуг облаков и небесных обмылков –
я речь поднимаю и к небу за руку веду
до первой ближайшей развилки.

Её отпущу и застыну, как лёд в ноябре,
гербарием под ещё целым настольным стеклом,
пробившийся луч – только будущность тянет
к земле,
и небо осенней водой ещё не протекло.

Вернуться назад в одинокое страшное «вот»,
где листья в саду пересушены, как сухофрукты,
и варят из них прошлогодний домашний компот
две бабушки (бабочки) – не умирали как будто.

Всё реже и мельче живу – обернулся назад,
и сил не хватает вернуться обратно,
но мама зовёт и «Серёня» кричит через сад,
чтоб вместе идти в неизбежно холодное завтра.

Софья Сафронова

*Студентка факультета РГФ.
Дебютант Дней поэзии ВГУ*

Бывает ли рай на земле? Что вы!
Бывает ли рай на земле? Нет.
Негромко спросите себя: кто вы?
Найдете ли вы ответ?
Как рыба в воде – это Вы средь народа.
И Вам одиночество чуждо, увы.
Другие свободны, и Ваша свобода –
Лишь листик один из опавшей листвы.
И так незаметно к чернеющей куче
Осенние годы идут и идут,
Всё дальше в ноябрь, и темнее всё тучи,
И тёмную вечность с собою несут.
Ах, сколько хорошего было упущено!
Да можно ли время назад обернуть?..
Вот Богу звонишь, от него был пропущенный.
Не время, так осень хотя бы вернуть...

Иоланта Сержантова

*Выпускница биологического факультета 1988 г.
Печаталась в журнале «Подъём». Член Союза писателей России*

Игрушки мы...

Игрушки мы. Игрушечные. Грусть...
Так что же? Всё равно, и – ну и пусть!

И в темноте нащупывать порог
Не так-то просто. Ты устал, промок, продрог...
Стена – на ощупь...Ты, сердясь, включаешь свет!
Но ты один. И никого на свете нет.

А может быть, чуть дальше, впереди?..
Но нету сил уже терпеть или идти.

Да разве так нас отлучают?.. Двери скрип,
И тот, единый, долгожданный, сладкий крик:
«Я опоздал?..» – и слабый чай, и тёплый хлеб.
Я человек, и как я слаб, и как нелеп...

Самоцвет аромата сгорающих дров...

Самоцвет аромата сгорающих дров.
Семицвет, не иначе.
Волнение прячем
В том дыхании, между мерцания слов,

Искр промеж, той, улыбкой сияющей печи.
А с утра за окном будто сумерки... Свечи
Исчезают – и с вёртким своим языком,
Словно змеи. Фитиль, завернувшийся в ком,
Постепенно становится копотью. Прочим
Здесь не место. И даже в пространстве
межстрочий...

В опрае вековых аллей...

В опрае вековых аллей
Янтарь тропинки. Лес алей
С зарёй вечерней. До утра
Его зовут с собой ветра
Туда, где лет ведётся счёт.
И время прячется ещё
В тех складках, где рождённый свет
Так юн, что он на грани «нет»,
И льётся чистою водой,
Как счастьем. Отдалённый вой –
То песня волка. В честь луны.
И леса горы, валуны
Кустов в ночи, тропинки... строчки.
Во тьме мы – волки, одиночки.
Других не видим, видно ль нас?
То – ночь без видимых прикрас.

Заблудший снег...

Заблудший снег... заблудшей той души
Куда белее он, нежнее и тоньше.
Он как она, – не дышит, но спешит.
От Волги и почти до самой Оньши
Всё тянется, и тянет то её,
Что грузны ветви клонит вечно долу.
Напополам, но поровну копьём
Любви к земле. И бродишь, будто полый,
Опустошён и полон той, вовек,
Названия к которой не искали.

Оправдан ты не жизнью, человек,
Но тем, что не сумели, не сломали.

Того с чем ты пришёл сюда, один.
Один, как перст. До снега. До седин.

Симонова Светлана

Профессор кафедры истории философии и культуры

Баба Таня

Ночью выпал снег. К утру
На пушистой зимней ели
Встретить позднюю зарю
Два воробышка присели.

Уговаривали солнце:
Милый дружка, выходи,
Посвети скорей в оконце!
Бабу Таню разбуди!

Пусть она скорей проснется,
Чай попьет, и к нам – во двор.
Всей округе улыбнется
Да затеет разговор.

С елью, с птицами, с котами,
С добрым рыжим старым псом.
Всех приветит баба Таня,
Все её подарков ждём.

Тех колбаской, этих хлебом –
Выручала нас не раз.
Поцелует небо снегом
Уголки лучистых глаз.

Эмма Старова

*Училась на физическом факультете ВГУ,
давний участник «Дней поэзии ВГУ»*

Светлые воспоминания

Я люблю вспоминать
То далёкое время,
Когда молодость пела нам песню любви,
Небо счастьем пылало,
И держало нас стремя
Бережно и надёжно, как руки твои.
Сколько было желаний,
Планов жизни на свете,
Как пытались мы смело свой путь доказать,
Помогал нам сражаться
Нашей юности ветер,
Чтобы миру успели своё слово сказать.
Всё прошло, всё промчалось,

Растворились надежды.
О прекрасных надеждах, о вере в мечту
Только воспоминанья
Греют душу, как прежде,
Только дети и внуки нам радость несут.

Екатерина Стрельникова

*Выпускница филологического факультета,
аспирантка ВГУ*

На полях – стерня, заболочен лог,
Кружит колея через топь дорог.
Где река текла, через бор сырой
Девка Анка шла с ключевой водой.

Повернёт домой: по пути – погост,
У крестов сухой наберёт хворост.
Упадёт на лоб золотая пряда –
Среди всех зазноб не найти под стать.

Издалече знал девкин сарафан
И трусливо ждал молодой цыган.
Он напал и взял красоту и пыл –
Не слышал никто, кроме могил.

Выли бабы день и кричали ночь –
Как глухая тень, мать глядит на дочь.
Была девка-кровь, остриё ножа,
А теперь она будет не нужна.

А года – идти, не сыскаться – муж,
По тому пути Анка ходит уж.
Больше века ей, но и в свет, и в мрак
Взор из-под бровей не поднять никак.

Где река текла, со своей клюкой
Девка Анка шла с ключевой водой.
Каждый волос скрыть надо под платком
И пойти топить свой студёный дом.

В тихий ноябрь спущусь с косогора.
Лес молчалив. Глухо дятел стучит.
Чувствует мир: неизбежно и скоро
Всё насовсем замолчит.

Вместо травы – иссыхание листьев,
Прелость земли – саркофаг для корней.
Дуб на плече у товарища виснет,
С жизнью прощаясь своей.

Маленький клён жмётся к мамочке родной
В траурном платье из чёрной листвы.
Не обнажившись, смущённо и гордо
Ждёт она миг темноты.

Лес не отпустит: в агонии холодной
Тонкими пальцами веток и жил
Держит за плечи и руки и жадно
Пьёт и тепло, и остаток сил.

Рвётся дыхание, и не взобраться
Вверх по крутому подолу холма.
Листья шуршат и ползут обниматься...
Дышит зима.

Белым мелом, как протест,
Небо купол расчертило:
Это кто-то ставит крест
На неправильности мира.

Прогорел уже закат
Пышным заревом чахотки,
Солнце в тысячи карат
Заночует в околотке.

Вот и звёздно. Но ещё
С ощущением тревоги
Перекрещенное всё
Не уснуло у дороги –

У чуть видного пути,
Что сбегает ввысь и влево,
Чтобы вновь внутри груди
Ничего не заболело.

Над землёй расправлен крест,
Воткан в сумрак одеяльный
Белым трепетом невест
Перед таинством венчальным.

Он падет, как первый Рим
В громогласности сражений,
На считаемое им
Недостойным продолженья

И схоронит бытия
Отколовшиеся грани,
И поставит сам себя
На обрывистом кургане.

Жизненно важное решение в метро

Над головой – свод,
Из темноты – вой,
Ноги сковал страх –
Бешеный и огромный.

Надо смахнуть пот,
Выпрямиться спиной...
И завершить шаг
К пропасти за платформой.

Екатерина Ступникова

*Студентка факультета компьютерных наук.
С 2018 г. член литературной студии «Современ-
ник» при Союзе писателей России, которую ведёт
Зоя Колесникова. Участница Областного совещания
молодых литераторов 2018 г. и Межрегионального
совещания молодых литераторов 2019 г. Публико-
валась в журнале «Подъём»*

Считаем время громко, чётко,
Слетаются мгновенья в дни,
А в сонном прошлом шепчет лодка
На глади синей простыни.
Такая музыка, что голос
Стремится робкой мыслью вдаль,
Деревья, пышные по пояс,
Скрывают неба рыхлый край.
Вот так стоять, ловить охапкой
Дыхание прекрасных лет,
А ночью сохранять в тетрадку
Влюблённый вдохновенный бред.
Но мы теперь не те, пропали,
Исчезла музыка вокруг.
Мой друг, пойдём в немые дали?
Вернёмся в прошлое, мой друг?
И шумной, ветреной весною,
Над пухлым облаком летя,
Мы будем видеть неземное
В земных пространствах бытия.

Мой страшный сон, в котором нет тебя,
Где след остыл непонятой строкою.
Кружатся тени, душу теребя,
И увлекают тело за собою.
Без разрешения идти, за шагом – шаг,
За словом – недоверчивое слово.
И все не доберёмся мы никак
До смелости поступка рокового.
И утро открывает новый путь
И обещает счастье по приезде,
Но снова мы пытаемся уснуть,
Ведь по-другому не остаться вместе.

Голос мой неповоротливый –
Тихий, еле слышный звук.
Расплескавшись, наземь пролиты
Мысли сквозь корзины рук.

Сквозь ресницы в снежных крапинках
Еле виден свет живой,
И следами старых валенок
Я тащусь к тебе домой,

Я стучусь в закрытый наглухо
Мир твоих бесцветных глаз.

Ты возьмёшь зачем-то за руку
И создашь случайно нас,

Но останется нетронута
Тень потерянной двери.
Две зашторенные комнаты –
Мы, ненужные, внутри.

Я стаей строчек
Кривых и чёрных
Взлетаю с крыши,
Касаюсь неба.
Мелькает осень,
Уставший город,
И нужно выше,
И надо снегом
На эти лица
Упасть и таять,
Смывая пудру
С румяных щек,
Стелить страницы,
Пытаясь память
Наполнить хрустом
Своих сапог.

Надежда Третьякова

Выпускница фармацевтического факультета ВГУ. Автор сборника стихотворений «Птицей синею». Член литературной студии «Современник», участница Областного совещания молодых литераторов Союза писателей России в 2018 г., Межрегионального Совещания молодых литераторов 2019 г., Международного Платоновского фестиваля. Печаталась в журнале «Подъём»

Неоспоримы прошлого устои,
Стой и смотри, полуоткрывши рот,
Как наша жизнь становится водою,
И как вода – неизбежно – течёт.

Из наших снов сплетаются картины,
Из наших слов построены мосты,
И мы по ним так непоколебимо
Проходим от черты и до черты,

А за чертой – невиданные дали,
Не охватить ни взором, ни рукой.
Мы эту даль когда-то простирали,
Смотря, как жизнь становится рекой,

И как река уносит наши тайны,
И как однажды, на исходе лет,
Мы по мосту придём сюда случайно...
Стой и смотри –

Воды тут больше
нет.

*А от танцовщицы осталась одна только блёстка,
и была она обгорелая и чёрная, словно уголь...*
Г-Х. Андерсен

Стоит оловянно в ночи Солдат
В коробке от башмаков.
Короткую жизнь за картонный взгляд,
За танец отдать готов.

Мы ставим его на занозный стол,
Поскрипывает протез.
Он так одинок. Одноног. И зол,
Он сам в этот бой полз –

За танец, за взгляд,
Что огнем течёт,
Сгорает
любовь
в печи.

И, как заведённый, хохочет Чёрт
Над смертью в глухой ночи.

Как пахнет снег истомой февраля,
Как тянет грусть за волосы, за плечи,
Так о весне промозглая земля
Простонет в подсознании человечьем,

Так мы спешим за светом, за теплом,
Стянув на горле шарфовое кружево.
Любить зимой – тугое ремесло,
Но без любви нам и весны не нужно...

Мне не взлетается. Нет. Никак...
Хоть невесомость дана рукам.
Как будто каждый мой лёгкий шаг –
Не в небо. В пропасть. А там – тоска.
Тоска по лету, теплу ночей,
По зазеркалью неспешных рек,
И ты свободен, и ты – ничей,
А значит, станешь моим навек.
И небо вымокшим решето
Прольёт дожди на твои следы.
И нам покажется, что потом
Случится счастье, где я и ты
Бежим по краю, по острию
У самой пропасти не во ржи...
Но нам лишь кажется...

Я стою
На пепелище своей души.
И не взлетается. Пепел бел.
Мне эта ноша не по плечу.
Случится счастье? А ты б хотел?

И я б хотела.
Но промолчу.

Терпеливому дай строку – будет новый стих,
Уходящему – спичек – спалить за собой мосты!
Слугам Божьим – грехов, они же отпустят их.
Некрещёному дай
на пробу святой воды.

Молодому – путей Господних, пускай идёт.
Старику – тишины. И мира душе его.
А любимым – надежду. И выставь огромный счёт
За любовь.
За веру.
Во имя Прошедшего...

Владимир Тулупов

Декан факультета журналистики ВГУ. Главный редактор научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации» и научного журнала «Вестник ВГУ. Филология. Журналистика». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России

Из лирического дневника

Отцу

*Мне у могилы не просить участия.
Чего мне ждать?.. Летит за годом год.
– Отец! – кричу. – Ты не принёс нам счастья!.. –
Мать в ужасе мне закрывает рот.
Юрий Кузнецов*

Я тоже мог тогда сказать, что права нету умирать
у молодых отцов: детишек трое...
Мы горько плакали скорбя, ведь так любили все тебя,
и разве горе искреннее скроешь?..
Но у могилы и теперь, когда открыта в вечность дверь,
я не прошу какого-то участия,
и вновь на карточку глядя, и ран твоих не беря,
шепчу: «Отец, ты всё ж принёс нам счастье!»

А.К.

И снова ночь, и свечи гаснут,
теперь те свечи не зажечь –
огонь неумолимо властно
всё завершил, и каплей стечь
осталось крохам стеарина –
ничто не вечно под луной,
как ни светил, но всё же сгинул,
укрывшись теменью ночной.
Как тяжко, как обидно, горько –
уже ни искры, ни луча,
уже не сможешь глазом зорким
схватить мгновение шутя...

Пятница, суббота, воскресенье –
Нет у нас от старости спасенья...
М. Светлов

Вновь отрываю лист календаря –
ну как же он стремительно худеет!..
Никто, никто – ни ты, ни он, ни я –
секретом времени обратным не владеет.
...Вот в кресле парикмахерском сижу –
пусть плёнка кинохроники стрекочет:
с задорным чубчиком весёлый выхожу,
а здесь «под ноль» – и улица хохочет...
«Канадка», «ёжик», «бокс» и «полубокс» –
со стилем современным примиренье...
Но не о моде речь (в ней я не ортодокс),
о зеркалах – свидетелях взросленье...

Летнее

Синее небо Домбая
и изумруд Теберды –
видел, попробовал, знаю
вкус этой горной воды.
Бархатный склон Приэльбрусья,
вата его облаков,
кликнете – и отзовусь я,
снова к подъёму готов.

Зимнее

Мне вчера приснился первый снег,
белый-белый, нежный и летучий –
видимо, приятным был ночлег,
нас согретый, спрятавший от тучи.
Тот, во сне, был мягкий, шерстяной,
а наутро: что там у порога?..
Нет, не тот, не изо сна, не мой –
слякотный, испортивший дорогу...

Из «Почеркушек»

Время голых королей,
время мыльных пузырей,
время формы, время клипов,
время телевизионных криков,
бюрократии и блата,
двоемыслия и злата.
Время мы не выбирали –
диалектика спирали...

Из цикла «Вредные советы декана»

Если похудеть мечтаешь – оформляй командировку:
ведь пока её оформишь, семь потов с тебя сойдёт!..
Поначалу заполняешь заявление на бланке,
с ним к начальнику прямому правишь стопы в кабинет,
после к замку, и тогда уж уезжаешь в главный корпус,

где тебя с бумагой этой люди с подписями ждут –
в ПФО, в отделе кадров, в канцелярии и в кассе,
два проректора, бухгалтер и, конечно, плановик...
Коль на месте будет каждый, до обеда непременно,
все инстанции обегав, сможешь клич издать победный
римского легионера «Бар-рр-ра!», «Бар-рр-ра!»,
что по-русски означает слово громкое «Ура!»...
Ну а если закавыка (кто-то кой-куда слинявши)
выйдет – лучше не сердиться, не бурчать,
не хмурить брови:
ведь трусцою бег полезен, особенно вверх и вниз...

Галина Хожаинова

*Доцент кафедры биохимии и физиологии клетки
медико-биологического факультета*

Улицы, бульвары, переулки –
Старого Воронежа уют
Двор на Театральной, где играли
Мы в лапту пол-лета напролет.
Парк Динамо, пруд, заросший ряской,
Дядьки Черномора строгий взгляд –
Все это казалось дивной сказкой
И прошло так много лет назад.
Улочки, бульвары и аллеи –
Старого Воронежа уклад.
Летом – «Шапито» в Петровском сквере
И петуний пряный аромат.
Улочки, бегущие с оврагов
И течение быстрое реки,
Не было еще в помине пляжа,
Лишь песок, трава, и пескари
Под ногами весело юлили,
Щекоча подошвы детских ног.
Рыбаки вдоль берега удили,
На волне качался поплавок.
Сквер Кольцовский, где в фонтане круглом
Из лягушек брызгала вода.
У песочницы поодаль людно,
Куличи лепила детвора.
На Проспекте каждый мог услышать,
Как играет духовой оркестр,
И в прохладе вечера звучала
Музыка послевоенных лет.
Улицы, бульвары и проспекты,
Шум моторов, суета сует.
Это современные аспекты,
И кружит нас XXI век.

Яна Цыганкова

*Выпускница филологического факультета, автор
текстов и вокалист рок-группы «Гланида». Давний
участник Дней поэзии ВГУ*

Небо стало прозрачней. Из форточек веяло осенью.
Нет, тепло не ушло, но уютней набросить пиджак.
Паутинки Чернавского первой сентябрьской
просеждою
На холодном ветру над глубокой водою дрожат.
Вот и время пришло резать с бабушкой яблоки
дольками,
Собирать их цыганской иглой на суровую нить
И сушить на газетах, заняв ими все подоконники,
И капризную «Лидию» в старенькой ступке давить;
Лихо щёлкать орехи и летние травы заваривать
В дедов термос, и чаще конфет кушать липовый мёд.
В осень тянет молчать. Но с тобой хорошо
разговаривать
На балконе, укутавшись пледом, всю ночь напролёт.

Забыть обо всём. Босиком танцевать в лесу –
Тревожить широкою юбкой покров листьев.
Рябину вплетать в растрепавшуюся косу,
И смехом хрустальным дразнить мудрецы-дубы,
Вдыхать полной грудью чарующий аромат
Сгоревшего солнца в ветвях облетевших дней...
До слёз ослепленья смотреть, как вперёд летят
Строптивые стаи бестрепетных журавлей.
А после упасть в мягкий, прелый, колючий мох,
Застыть онемело в стозвучии певчих птиц,
Взбивающих лесу перину пушистых снов,
И больше не вспомнить людей, их имён и лиц.
Остаться навеки невестой осенних чаш –
Лелеять лисят, и оленям плести венки.
И милостью свыше сто ливневых чистых чаш
В такие же чистые выковать родники.

Рассыпалось время, как старые-старые бусы –
Звеня, раскатилась по полу кровавая крошка.
Мы плачем ещё – с фотографий над нами смеются:
Зачем вы, родные?.. Да бросьте уже, сколько можно.
В попытках собрать кругляши переливчатой яшмы,
В погоне за теми, кто к нам никогда не вернётся,
Мы снова возводим воздушные замки – их башни
С завидным упрямством ломает взошедшее солнце.
Сидишь на полу, как игрушка – забыт и растерян.
Игривым зверьком в беспорядок ввернулась надежда
И, грея твой дух, задремала, сопя, на коленях.
А может и правда, позднее всё станет как прежде?..

От ливня прятался, немея,
По остановкам и пивным.
Казался сонным и смурным
В извечной живости апреля
Уставший город. Циферблат
Застыл в ежевечерней пробке,
А в гулкой каменной коробке
Сквозь дым просачивался мат.
Весна равняла на глазок
Обрывки самообладанья,
И плыл кораблик-оригами
Сквозь пережитого поток.
Уж он-то сдюжит, и тогда
Сквозь облака пробьётся солнце.
Уставший город встрепетётся,
Стряхнув печали без следа.

Молочный свет, рассеянный туман –
Глоток тепла, незримый призрак лета.
А песенка давно, давно уж спета.
Как звонко с ветки падает каштан
В раскрытую ладонку. К горю, к счастью?
Так вкусно пахнет лаковый бочок ...
Октябрь ловко ловит на крючок
Шарнир её точёного запястья,
Щекочется, ныряет в ткань платка,
Чирикает изыбшею синичкой...
И кажется, что жизнь – легка, легка.
Легка, как в небе малый росчерк птичий.

Анастасия Червинская

*Аспирант физического факультета.
Переводчик английской поэзии*

Из Роберта Льюиса Стивенсона
(Цикл «Детский сад стихов»)

Страна на одеяле

Когда мальчишкой я хворал, то, чтобы не скучал,
Игрушки дали мне в кровать, чтоб с ними я играл.

Из двух подушек сделан холм, и я на нем сижу
И на солдатиков своих как великан гляжу.

Здесь одеяло – как трава, простынка – океан,
И управляет кораблем отважный капитан.

Я знаю лучше докторов – поможет мне игра,
Веду своих солдат я в бой, кричат они: «Ура!»

Солдатики прогонят хворь, и буду я здоров.
Игрушки вылечат меня без всяких докторов!

Из Раймонда Уилсона Почему?

Ну до чего же скучно в привычном нашем мире,
Где звёзды светят ночью и дважды два – четыре.
Жить было б интересней, где всё – наоборот,
Где солнце светит ночью и тёплый снег идёт.

Где не дрозды бы в рощах – морские звезды пели.
Луга, леса и парки под солнцем розовели,
И где за хрюшкой в небе летел бы добрый слон,
А мусорщик бы честный был возведён на трон.

Там море было б сушей, представьте – ну и ну! –
Ведь люди все смогли бы пешком ходить по дну!
И было б интересней, подумайте Вы сами,
Когда б Вы были мною, а я бы был бы Вами!

Шутки (пер. с англ.)

На свете жил один бедняк, но вовсе не тужил,
Ведь сэкономил как-никак он пузырек чернил.
И способ тот был очень прост, гораздо проще прочих:
Всего лишь навсего над і не надо ставить точек!

*

Задумал поработать я с утра,
Так много дома накопилось дел,
Но так призывно шелестит листва,
И соловей на яблоне запел.

И радуга раскинулась в лугах,
Мне протянув свой разноцветный мост.
Ну как тут быть? Тут рассмеялся я
И все дела на завтра перенес.

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики

Осень

Печальная осень по лесу шагала,
Шуршала листвой и деревьям шептала:
Усните, усните до новой весны,
Пусть снятся зимою вам летние сны!

Дождями поляны и склоны умыла,
Заботливо землю листвою укрыла,
Деревья печально смотрели ей вслед,
И падал из облака медленно снег.

Дмитрий Чугунов

*Профессор филологического факультета,
член Союза писателей России*

Когда мы вынырнем из ночи в новый день,
То Дон Кихот уже свершит свой подвиг.
Не спи, душа!
И Дон Кихот не спит.
Повержены волшебники,
И скептик
Сомнение позабудет, увидав,
Как счастлив пастушок у светлой рощи,
И будет мир в стране всех островов.
И отзвуки счастливейших деяний,
Быть может, неумелый слух уловит,
А робкий взор заметит вдалеке
Поверженную армию Мамбрина.
Хотя, признаться, что с того всем нам?
Нас улица подхватит суетой,
Сосед огромной дрелью атакует
Реальнейшую стену,
А другой,
Собрав шашлык,
Отправится к мангалу –
И будет мир, и будет естество.
А Дон Кихот, от подвигов усталый,
Глаза закроет, отходя ко сну.

Каждый год, когда стригут траву,
Нож проходит по душе травинкой.
И движение кажется не длинным,
И душа не катится ко рву –
Только всё же... Что тут говорить...
Срезанное падает на землю,
И земля упавшее приемлет,
Чтобы где-то в сердце сохранить,
Только всё же... Высохший покров,
Посереб под солнцем, распадется,
На ветру развеется, сотрется,
Смятый бесконечностью шагов...
Только всё же – смута первых дней,
С отпечатком смертного томленья,
Сменится травы вторым рождением,
Прочностью невидимых корней.

Вчера случился дождь. Из-за горы
Явилась туча, а за ней – другая.
И наступила тишина морская.

И сразу смолкли крики детворы.
Склонив лицо, бежали по дворам,
По дачам, виллам и пансионатам
Глухие к чуду, что творилось рядом,
А капли били, били по волнам,
И медленно темнел нагретый пляж,
Кудахтали мамыши, дети ныли,
Но вместе с белой придорожной пылью
Смывался весь торгашеский мираж,
И день являл свой настоящий лик,
На полотне из капель кипариса
Ложился аромат дневного бриза,
И дольше века длился этот миг.

Каково это быть – Лазарем?
Не апостолом-учеником.
Никому и ничем не обязанным,
Только смертью внезапно связанным,
Среди многих смертей – пустяком?
Каково это быть...
Незаметным от даты рождения,
По случайности только – в друзьях
У того, кто распад и тление
Одним словом, прикосновением
Побеждает –
а тут в делах
Никогда ничего особенного
Не водилось, и жил как жил,
Хлебосольным хозяином вроде бы
Слыл в последние годы на родине...
Да, гостей привечать любил:
Так во время застолья позднего –
Или раннего, да не суть! –
Виноградными чёрными гроздьями
Исказилось вдруг небо, и простыни
Погребально обвили грудь.
Что потом – никогда не рассказывал.
Не понятен живым тот мрак.
А для сплетен досужих – разное:
Благочинное, благообразное –
Всё сгодится, одно – пустяк.
Каково это – быть вернувшимся
В день четвёртый по воле Его?
Неулыбчивым, но – проснувшимся,
С чем-то важным душою сомкнувшимся.
Для чего? Для чего? Для чего?..

Мой календарь был прост и незатейлив,
Я жил в последнем месяце всех лет,
Одиннадцать случайных новоселий
Не оставляли даже лёгкий след

В моей душе. И я так жил и знал,
Что там я ничего не упускал:

Случайные одиннадцать минут? –
Напомни, детка, как тебя зовут;

Случайные одиннадцать иллюзий? –
О правде, о любви и о войне? –
Я мог бы им поддаться, только грузен,
Излишне грустен я, и не по мне

За призраком с надеждою гоняться,
Ведь мне давно уже не восемнадцать.

И всё-таки двенадцатый сюжет –
Как от Петrarки неземной сонет:

Быть полным – в пустоте, и в отдаленье –
Быть близким к счастью, на исходе дня –
Жить будущим, забыв свои сомненья,
Одну двенадцатую года сохраняя.

Евгений Шамильпан

Выпускник юридического факультета

Пропавший без вести

там моя одиссея идёт ко дну
в луже слёз и сомнений влечёт вину
умалая страхом и душным пленом
всех колен поколений в своём плену

там мои окончания свежих строк
топкой тропкой в июле среди болот
пахнет ёлкой брусничкой и свежим сеном
приворот паутиной из позолот

там застыла вечность – мои года
там железный вкус выдаёт губа
я – багульник! ухаёт на нетленном
и качает тленный огонь вода

Джабраил Яхьяев

Выпускник филологического факультета

Воронеж

Я иду по городу,
Ставшему мне домом,
По-воскресному внимательно
Обходя каждое здание.
И я замечаю, с каким спокойствием
Смотрят деревья и фонари
На нашу великую суету.

Улицы, как и вчера, полны машин,
В которых живут люди,
Некогда ходившие по земле.

Я пытался позвонить Любимой,
Но из-за шума и грохота
Не расслышал её голоса.

Можно было бы зайти в магазины,
Где живут остальные люди,
И там, в рекламной тишине,
Поговорить по душам.

Но я пошёл дальше,
По дороге, что ведёт к Ней.
И пока я иду,
Уходящее солнце разговаривает со мной.

Оно касается проезжающих машин
И живущих в них людей,
Касается щёк девочки и её мамы,
И пробегающей дворняжки,
И стариков на скамейке,
И попрошайки, стоящей у магазина,
Где живут остальные люди.

Оно касается моих рук
В свои последние минуты,
Тихо допевая свою сегодняшнюю песню.

И тогда я понимаю,
Как сильно мы с солнцем любим этот город,
Ставший мне домом.

Тысячекапельными глазами
нарушаю спокойствие
пресноводной поверхности
затопленной жизни.

Тихие волны слов моих
сливаются с другими волнами
и совсем незаметно доходят
до выживших берегов.

Но бывают и мёртвые капли,
как якорь, спускающиеся ко дну,
подобно сотням тысяч слов,
преснящих сонное бытие.

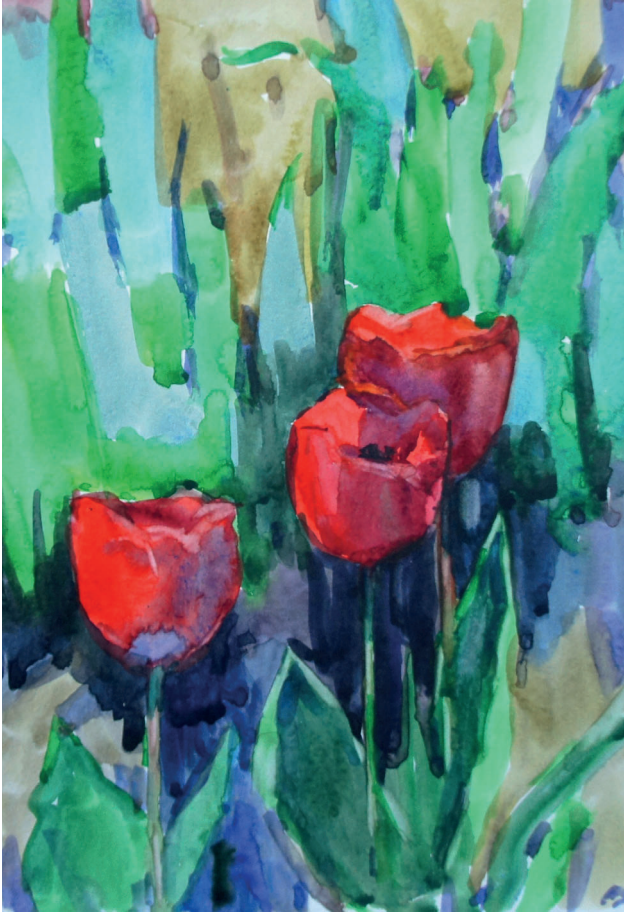
Уткнувшись в пятидюймовый экран,
Как заточённый в сенсорную бездну,
Ты потеряешь видимую грань
Между живым и мёртвенно-полезным.

Твой мир вместился в тающий кулак,
И солнце в нём – невидимая точка.
Закрой глаза.
Закрой глаза!
Вот так...
Не открывай.

Откройся...

Спите, дети поднебесья,
Под моим крылом.
Синий холод не посмеет
Потревожить дом.
Печь, растопленная мною,
Диких звёзд полна,
И качается в прихожей
Лампочка-луна.
И пока гуляет холод
И немая тьма,
Я поведаю вам сказку
Про земную Мать.
Про неведомую силу
Материнских слов,
И о том, как исцеляет
Матери любовь.
Этот дом хранит молчанье
Женщины земной.
Вы запомните, прошу вас,
Сказанное мной.
И наутро, покидая
Дом из детских дней,
Помолитесь о рассветах
Матери своей.

К 75-летию победы

Поэзия мужества, любви и сострадания

Поэзия Великой Отечественной войны — уникальное явление мировой литературы. Уникальное, казалось бы, по своей невероятности и невозможности в то роковое, беспощадное время. Но она пробилась сквозь гром орудий и лязг штыков и завладела умами и душами людей. Она и до сих пор приподнимает и поддерживает каждого, встающего против несправедливости, неравенства и бездушия, против бесцельного и тусклого существования.

«Война философична», — говорил военный корреспондент Илья Сельвинский. Солдат в ночном окопе ближе к небу, наедине со звездами, рядом с Богом, а потому открывается весь, до самого донышка. В одной из военных записей выдающе-

гося собирателя поэтических книг А. Тарасенкова читаем: «Вёл с одним бойцом долгий разговор о мироздании, о бесконечности вселенной и т. п. Типичный разговор на войне!» Это и разговор о бесконечности человека, о его возможностях в проявлениях добра и зла, о чести и совести, и долге и необходимости смелого слова и героического поступка. И, конечно же, о жизни и смерти. «Для меня этот период, — писал о годах войны А. Твардовский, — представляется таким, о котором на всю жизнь хватит думать». Для людей война «с одной стороны, это страшная память — память муки и страдания». С другой, она была «самым значительным из периодов их жизни, подняла их духовно, приобщила их к понятию вещей, которые раньше были им недоступны. Эти люди сейчас совсем иные». Жаль, что не во всем мы могли оставаться на их высоте...

Глубина человеческого страдания и высота духа как раз и породили великую поэзию военных лет (прежде всего «Книгу про бойца» А. Твардовского, фронтовую лирику и песни), которая вдохновила народ на великую Победу. Почему она так нам дорога? Потому, что рядом с великой Победой стоит великое Прощание с павшими на войне. Твардовский, знавший её со всех расстояний, едва вырвавшийся из окружения, дошедший дорогами отступления до Воронежа и завершивший свой путь в Кёнигсберге, говорил на писательском пленуме десять дней спустя после замирения: «Великая радость Победы... может быть потому и дорога, что за ней страшно много и тяжелого, и невозвратимого, и непоправимого, и крови, и слез, и мучений». Победа выросла из преодоления невозможного: взятия крутых и голых высот под сплошным пулемётным огнём врага, форсирования переправ под бомбами и снарядами, штурма эшелонированной обороны и неприступных крепостей, совершения многокилометровых маршей по бездорожью — в снегах, в горах, в болотах, в жару и лютые морозы. Русский человек испытал всё и выдержал, потому что мог отказаться, отречься от себя ради общего, ради победы. Сомнения, колебание, себялюбие, страх — не главные его чувства на войне, в любой момент он мог подняться над собой, как над бруствером, порываясь в атаку, броситься на амбразуру или в горящий дом, спасая старика, женщину, ребенка. Победа — это неизмеримый героический поступок народа, который не может и не должен забыться.

Теперь оказывается, что мало победить, но и за саму Победу надо бороться. Но это не перетягивание каната или одеяла друг на друга: кто сильнее и хитрее. Победа принадлежит всем народам, которые в меру своих сил и помыслов за неё боролись, всем, кто за неё работал за письменным столом, в поле за плугом, у станка на заводе, кто просто ей сочувствовал. И особенно она дорога тем, кто больше всех в ней нуждался, кому без неё не было бы жизни. Но в особой мере достойны и заслужили её те, кто пал на поле боя, на переправе, в горящем самолёте или тонущем корабле, на госпитальной кровати задолго или за час до победного дня. Ещё в начале войны, зная, чем она закончится, Твардовский писал об ушедших в вечные сны, о погибших на переправе:

Спят бойцы.
Своё сказали
И уже навек правы.

А сколько их ушло в эти сны до Берлина? Зачем же отнимать у них Победу? Да и отнимают те, кто войны не видел и мало знает о ней. Победили в этой войне все страны, которые так или иначе боролись против фашизма. Но особая доля этой борьбы выпала на нашу Родину, особо великую дань на жертвенник Победы положил Советский Союз, что было всеми признано и в ходе войны, и после Победы. Война и Победа для нас — большая и особая эпоха напряженного, духоподъёмного состояния, единения и самоотдачи, которая оставила незабываемый, неизгладимый след в истории страны и каждой семьи. Мы, наверное, больше всех думали о войне, больше других терзались и радовались от каждой сводки о положении фронтов, от каждого письма — треугольничка, от каждой весточки, долетевшей неизвестно откуда. Мы больше других сложили стихов и песен, которые до сих пор изучают, читают, поют. «Даже самый скептический исследователь бытия страны в 1941–1945 годах, — полагает Вадим Кожин, — неизбежно придёт к выводу, что его насквозь пронизывала поэзия». У миллионов людей той эпохи хранится в памяти «впечатление о повседневной, всепоглощающей и поистине могучей роли, которую играло... поэтическое слово как таковое — и тем более в песенном воплощении; едва ли будет гиперболой утверждать, что это слово явилось очень весомым и, более того, необходимым «фактором» Победы». В этом Слове смысл войны, жар души и воля народа, его главные ценности и устремления, его гнев и любовь.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Это Слово не только о войне, но обо всём, что ей противостоит, чему она угрожает. Слово и песня

эпохи войны поколебали всеилие зла и тьмы,
перед которыми многие и теперь поднимают руки.
Такого Слова не было у врага...

Что может враг? Разрушить и убить,
И только-то?

А я могу любить,
А мне не счесть души моей богатства,
А я затем хочу и буду жить,
Чтоб всю её,

Как дань людскому братству,
На жертвенник всемирный положить.
Ольга Берггольц, 1945

Виктор Акаткин

I

Борис Костров (1912–1945)

После боя

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина.

Шепчу: «Товарищ, ты бы лёг
И отдохнул, солдат;
Ты накормил как только мог
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.
Метет метель. И не найдешь
На небе ни звезды.

Твоей заботе нет цены,
Ляг между нами, брат.
Они снежком занесены
И не придут назад».

1943

Николай Майоров (1919–1942)

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

Георгий Суворов (1919–1944)

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов,

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной.
Дорога, дымная дорога,
Из боя в бой, из боя в бой...

<1944>

Микола Сурначев (1917–1945)

В потоптанном жите

Уже не доехать
Бойцу молодому
До края родного,
До отчего дому.

Лежит он, раскинувшись,
Руки разбросив,
Над ним обгорелые
Никнут колосья.

Лежит он, как витязь,
В потоптанном жите,
Родную увидите –
Не говорите.

1945

Иван Фёдоров (1913–1942)

Дождями омытые тропы,
Деревья, шумящие гневно,
Листвы облетающей ропот
И залпы всенощно, вседневно.

Фашистские орды, лютуя,
Пусть метят кровавою метой
Лесные селенья, – вчистую
Расплатимся мы и за это.

Мы в битвах всенощных, вседневных,
Чем дальше, тем тверже, упрямей.
Не видеть им родину гневных –
Россию – в позоре и сраме.

1941–1942 ?

Владимир Чугунов (1911–1943)

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем –
Равно бедны, равно богаты, –
Грустим, смеемся и поем
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю в травы,

Но жаворонок будет петь,
Цвести ромашки, незабудки
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отвергнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи вспомните.

А коль возьму над жизнью власть,
Ток животворных сил почую,
Всю поэтическую страсть;
В четыре строчки заключу я.

1 мая 1943
с. Первомайское

Сергей Граховский (1913–2002)

...Когда пожары полыхали
И бомбы над страной рвались,
Мы заявления писали
И как один на фронт рвались.

Просился я в штрафную роту,
Мечтая право получить
На эту страшную работу,
Где гибнут, чтобы победить....

...Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови ты на помощь людей,
Дай-ка лучше погрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

И не плачь, не кричи, словно маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки,
Мне ещё воевать предстоит...

Виктор Кочетков (1923–2001)

Победа

Майский полдень лучист,
Над Берлином затихла гроза,
И пришла тишина
Настороженно-чуткая следом...
Тот, кто видел ее,
Кто тогда заглянул ей в глаза,
Тот навеки запомнил
Черты долгожданной Победы...
Через пепел и камни
В простой, запыленной одежде
К нам шагала она –
Поседевшая мудрая мать.
Та, что нас родила.
Та, что всех нам родней и дороже.
Нет, ее не согнула, ее не сломила гроза.
Только стала лицом она
Строже за годы разлуки.
Мы глядели в ее молодые,
Как прежде, глаза.
На ее потемневшие, в ссадинах, руки.
– Здравствуй, мать!.. –
Где-то в горле застряли слова,
По щекам потекли
Столько лет береженные слезы...
А за ней распахнулась
Родимых небес синева...
И на дальних пригорках
Под ветром качнулись березы.

Алексей Сурков (1899–1983)

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

1941, Западный фронт

Сергей Наровчатов (1919–1981)

В те годы

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сёл, казнённых городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,

И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
– Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мстью мстить мне за тебя?

1942

Александр Межиров (1923–2009)

Музыка

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка во всём,
Всем и для всех – не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасём...
Ах, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трёхрядка под накатом брёвен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.

1961

Павел Шубин (1914–1950)

Полмига

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,

Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить;
Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод...
Всадить её,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!

...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

1943

Семён Гудзенко (1922–1953)

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

1943

Сергей Смирнов (1915–1976)

Обратный путь

Гремит железо третьи сутки.
Вагоны ходят ходуном,
и вдруг смолкают смех и шутки...
«Друзья,
Россия за окном!»
Полей величие немое.
Река. Село на берегу...
Не здесь ли памятной зимою
Мы жили в пепельном снегу?
...Нам старшина поднес по чарке.
Бутыль пуста в его руке.

Поёт гармонь московской марки
О Волге матушке-реке.
И поезд, скорость набирая,
Бросает дым на грудь земли.
И нет земле конца и края...
А мы её
пешком
прошли!

1945

Виктор Кочетков (1923–2001)

Победа

Майский полдень лучист,
Над Берлином затихла гроза,
И пришла тишина
Настороженно-чуткая следом...
Тот, кто видел её,
Кто тогда заглянул ей в глаза,
Тот навеки запомнил
Черты долгожданной Победы...
Через пепел и камни
В простой, запылённой одежде
К нам шагала она –
Поседевшая мудрая мать.
Та, что нас родила.
Та, что всех нам родней и дороже.
Нет, её не согнула, её не сломила гроза.
Только стала лицом она
Строже за годы разлуки.
Мы глядели в её молодые,
Как прежде, глаза.
На её потемневшие, в ссадинах, руки.
– Здравствуй, мать!.. –
Где-то в горле застряли слова,
По щекам потекли
Столько лет бережёные слёзы...
А за ней распахнулась
Родимых небес синева...
И на дальних пригорках
Под ветром качнулись берёзы.

II

Святая ярость наступления,
Боёв жестокая страда
Завяжут наше поколение
В железный узел, навсегда.

Константин Симонов

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Ольга Берггольц

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Анна Ахматова

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества – недалекого дня –
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Которые были не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

Александр Твардовский

Пусть помнят те, которых мы не знаем:
нам страх и подлость
были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна
и умирали
за эту жизнь,
не кланяясь свинцу.

Николай Майоров

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.

Борис Пастернак

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны...

Евгений Нежинцев

Безусые, почти что дети,
Мы знали в яростный тот год,
Что вместо нас никто на свете
За этот город не умрет.

Игорь Иванов

Сколько гордых танками раздавлено!
Сколько ринулось в огонь и дым!
Сколько их погибло и прославлено!
Почему я должен быть живым?

Сергей Хмельницкий

Да, это так! Всю ярость наших битв
Их опыт, скопленный веками,
Мы соберем, и будет враг разбит
Мы победим! Грядущее – за нами!

Я. Анушкин

Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет.

Ее октав железный гром
Мертвец в гробу – и тот услышит!
Дмитрий Кедрин

Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина

В своих глазах
в края чужие
несли, как отражение, мы
огонь сожженных сел России,
пожаров красные дымы.

Алексей Недогонов

Да. Война – это школа страдания.
Это молодость сына в крови.
Не являйся к ней с маленькой данью,
Только с жизнью – и ту разорви.

И тогда-то, в тоске об ушедшем,
Чашу горькую выпив до дна,
Когда, кажется, жить уже нечем,
Ты поймешь, что такое война.

Павел Антокольский

Война – жесточе нету слова.
Война – печальней нету слова.
Война – святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Ещё не может быть и нет.

Александр Твардовский

Здесь ценят стойкость и отвагу,
Здесь штык нужней, чем карандаш.

Забудь пристрастие к многословью,
К строке, что лирик сочинил.
Сегодня люди пишут кровью
За неимением чернил...

Глеб Пагирев

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет –
И тот нашел в воронке под огнем.

Сергей Орлов

Тогда, веселым, нам казалось,
Что, небывала и грозна,
Прошла и за спиной осталась
И впрямь последняя война.

Леонид Решетников

Сменит вспышки ракет зарница,
Зарастут окопы травой,

А солдату все будет сниться
Рев мотора и бомбы вой.
Алексей Сурков

Какая нива встанет на местах,
Где вся земля в могилах и крестах,
Где солнце поднимается во мгле?
Но мы живем на зависть всей земле!
Михаил Дудин

Расправился с вражьими силами
Народ, отгремела война...
Победа идёт над могилами,
Читая бойцов имена.
Сергей Городецкий

III

Веселин Ханчев (1919–1966)
(Болгария)

Не должны!
Не должны дороги прерываться
Линией окопов и траншей!
Нет! Не должен дом стоять без крыши,
Жалуюсь напрасно небесам.
Письма, что кому-то кто-то пишет,
Вы должны дойти по адресам!

Должен день закончиться закатом,
Должен в очаге гореть огонь,
Хлеб не должен сохнуть недожатым
И засохнуть девичья ладонь.
Дайте людям дочитать страницы,
Кончить книги, виноград убрать.
Не успевшие еще родиться,
Не должны до срока умирать!

Мария Бануш (1914–1999)
(Румыния)

Колыбельная
Детям войны

А стрельбе всё нет конца...
Детский крик стучит в сердца:
«Мало вам ребят кругом,
Убаюканных свинцом?!».

Поль Элюар (1895–1952)
(Франция)

Невозможное желание
Я не сообщник даже побеждённым.
Я не войду и с палачами в сделку.
Останусь совершенно одинок на свете.
Ни жизнь, ни смерть моя не будет униженьем.

Я лгу. На мне вина. Я чей-то брат и должен
Всё испытать. Я понял, что солгал.
Товарищи, я ваш. Я протянул вам руки.

Ярослав Сейферт (1901–1986)
(Чехословакия)

Ты, война!
Ведь много лучше штыка и пули
Скрип люльки, песенка простая,
Пчела и улей.
Не будут жёны, птицы, дети
Твоими, как ты ни грозишь нам!

Ян Костра (1910–1975)

Братиславская весна
Цветы благоухали в честь весны,
столетний лёд река веков взывала,
и соло соловья перекрывало
едва бормочущий оркестр войны.

Дэнис Кеванс (1939–)
(США)

Бомбы
О бомбы!
мир собою заслоня,
Прошу вас всех: обрушьте на меня!

Роберт Хайден (1913–1980)
(США)

Стихи во время войны
Как фюрера, который всё поправил,
Я отвергаю смерть, покуда жив.
Влюбленные, поэты, молодежь,
Прошу вас всех со мною в лад твердить:
Жизнь – стоящая вещь, и только раз живёшь,
И стоит всё отдать, чтобы хотелось жить.

Уистон Хью Оден (1907–1973)
(США)

1 сентября 1939
В одиночку не уцелеть.
Горе сравняло всех.
Выбор у нас один:
Любить или умереть.

Томас Макграт (1916–1990)
(США)

Из поэмы «Пора войны»
Но где же наши мудрые волхвы?
Кто нам укажет мирную звезду?
Кто нас спасёт, кто вызволит наш век
Из огненных колец атомной розы?
Мы сами, только мы!

Янко Есенский (1874–1945)

На Братиславских кладбищах

Павшим русским героям

Смерть ради жизни, каждый павший – брат,
который, смерть поправ, погиб за брата...

Ладислав Новомеский (1904–1976)

О, как убог – себе мы скажем –
был век войны, заклятый век,
когда поэт не нужен людям,
чужд человеку человек.

Андрей Плавка (1907–1982)

Мать велит

Стальной кулак пусть будет сердцу верен.
Вставай и бей. Он должен быть убит.
Очаг и детство защити от зверя.
Таков твой долг. Так мать тебе велит!

Ян Костра (1910–1975)

Сумерки поэзии

Прочь, крылья мотылька, женщины, любовь,
Теперь новая муза – смерти, иная красота – ужаса,
О гуманности – ни слова!
Пули пригибают до земли.
Все дороги века золотого
через наши кости пролегли.

IV

Анатолий Жигулин (1930–2000)

Жизнь! Нечаянная радость.
Счастье, выпавшее мне.
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне.

И война, и лютый голод.
И тайга – сибирский бор.
И колючий, жгучий холод
Ледяных гранитных гор.

Всяко было, трудно было
На земле твоих дорог.
Было так, что уходила
И сама ты из-под ног.

Как бы ни было тревожно,
Говорил себе: держись!
Ведь иначе невозможно,
Потому что это – жизнь.

Всё приму, что мчится мимо
По дорогам бытия...
Жаль, что ты неповторима,
Жизнь прекрасная моя.

После боя

О, поле боя, поле боя!..
Воронеж. Мне двенадцать лет.
И солнце светится рябое
На змейках пулеметных лент.

Нам повезло невероятно.
Растаял снег, ушла зима.
Винтовочных и автоматных
Патронов всюду
Просто тьма.

Наверно, в тех кустах полынных
По комьям плачущей земли
Меж черных проволоочек длинных
Нас Божьи ангелы вели...

Там был один окоп оплывший.
И в нем, откинувшись назад,
Стоял, как памятник, -
Застывший,
Погибший осенью солдат.

Худой, стриженный, белесый...
И прямо в середину лба
Осколком черного железа
Его отметила судьба.

Песок по брустверу ссыпался.
Былинки ежились, шурша.
Сжимали скрюченные пальцы
Чуть поржавевший ППШ.

Немая горечь той картины
Из детской памяти ушла,
Но, словно взрывом старой мины,
Сегодня сердце обожгла.

... Я вижу вновь перед собою,
Уже не в детстве, - наяву
То роковое поле боя,
Сухую, ржавую траву.

Путем извилистым и длинным -
Уже который год подряд! -
Я вновь и вновь иду по минам
Моих печалей и утрат.

И поднимается до боли,
До горьких дум в конце пути,
Что жизнь –
Она как это поле,
И надо поле перейти.

Алексей Прасолов (1930–1972)

Тревога военного лета.
Опять подступает к глазам
Шинельная серость рассвета,
В осколочной оспе вокзал.

Спешат санитары с разгрузкой.
По белому красным – кресты.
Носилки пугающе узки,
А простыни смертно чисты.

До жути короткое тело
С тупыми обрубками рук
Глядит из бинтов онемело
На детский глазастый испуг.

Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей.
Прими этот облик страданья
Мальчишеской жизнью твоей.

Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значенье креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!

Душа, ты так трудно боролась...
И снова рвалась на вокзал,
Где поезда воинский голос
В далёкое зарево звал.

Не пряча от гневных сполохов
Сведённого болью лица,
Во всём открывалась эпоха
Нам – детям её – до конца.

...Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
Ни правды крикливой надрывы,
Ни пыл барабанающей лжи.

1963

Владимир Гордейчев (1930–1995)

В Саратове горны трубили,
На Каме горели костры.
А мы в оккупации были,
Подростки военной поры.
Нам нечему стало учиться,
И карты помочь не могли, –
Война поломала границы
На всём протяженье земли.
Нам опыт давался не просто,
И не было радости нам
С утра обходить перекрёсток
И слушать историю там,

Где рынок бурлил недалеко
И пели слепцы под баян
Певучие плачи Востока,
Плачущие песни славян.
Пылили моторные части,
Погоны блистали оплечь, –
И всюду победно и властно
Немецкая лязгала речь.
На каменной этой дороге,
Где русские пленные шли,
Мы новые брали уроки,
Но старых забыть не могли.
Мы тайно писали «диктанты»,
И утром бесились посты,
Срывавшие «Смерть оккупантам!»
В косую линейку листы.
Мы эхо ловили ночами,
К земле припадали у стен,
И гулы вдали означали
Начало больших перемен.
Об этом не скажешь: пустое!
Те ночи с раскатами их,
Те дни потрясённые стоят
Годов академий иных!

Станислав Никулин (1937–2011)

На Задонском шоссе

У братских у могил
тревожней сердца стуки,
и никаких нет сил
забыть здесь о разлуке
со всеми, кто полёг
за землю в землю эту,
чтоб я спокойно мог
ходить по белу свету.

Здесь тишина слышней,
становятся здесь чище,
здесь прошлое видней,
здесь выгод мы не ищем,
Здесь на закате дня
заря приспустит знамя...
У нас и у Огня
негаснущая память.

Михаил Тимошечкин (1925–2013)

До глубины потрясена,
Земля качается от боли.
Там, где заставила война,
Залёг солдат в открытом поле.

Торчат обмотки, башмаки
Из-под распластанной шинели.
И пушки бьют из-за реки
По серой видимой мишени.

Под ним, от кровушки пьяна,
Земля дрожит, войне внимая,
До самых недр потрясена,
Контуженно-глухонемая.

А солнце в небе голубом
Лучи свои перепрядает.
А он, уткнувшись в пашню лбом,
Недвижно смерть пережидает.

Жестка комкастая кровать.
Рубцы и вмятины на теле.
...Мы не умели воевать.
Мы только победить сумели.

Анатолий Абрамов (1917–2005)

*В этот день по радио
целый день говорили о мире*

Израсходован запас проклятий.
Гнев излился, вычерпан до дна.
Всё – о Гитлере!

Давайте, братья,
О другом, о том, что не война.

Злость, и та до самого до донца
Оскорблённых добралась сердец.
Кляли тьму. Давайте мы о солнце
Сложим гимн! И о тебе, боец!

И о наших матерях, что дали
Нам приказ всей женскою судьбой,
Всею страстью муки и печали –
В этой битве встать на смертный бой.

И о сёстрах, у станков стоявших,
И о тех, кто в медсанбатах нас
Поднимали – под огнём упавших,
Раненых, контуженых, уставших,
Говорили снова: в добрый час!

И ещё давайте скажем слово
О земле, о семьях, о любви,
Обо всём весёлом и здоровом,
Что отныне встало на крови.

Да, родные, так уж получилось.
Вот она, всем радостям цена.
Потому и выпала нам милость
Видеть, как отчизна не сломилась,
Поднялась, живой водой умылась,
И поёт про всё, что не война.

Адольф Беляев (1932–1975)

Связист

От грохота глохли вязы,
И вздрагивал раненый клен,
И яростно требовал связи
Державший район батальон.
Но трубка напрасно кричала
В уже неподвижной руке...
И было войны лишь начало,
Победа была вдалеке.
Над ним наклонились вязы,
Роняя печальную вязь.
Он с жизнью
остался без связи,
Но с Родиной выкрепил связь.
Он праведно кровь свою пролил,
Чтоб нам ощущать до конца
Прямой и торжественный провод,
Идущий сквозь наши сердца.

Память

Дорога уходила на восток –
И гулкая, и горькая дорога.
По ней катился беженцев поток
От самого русского порога.

Через порог, наглежа и зла,
И брюхо бронированное пуча,
Через порог уже переползла,
Ломая лапы,
свастика паучья.

А люди шли, пожитки сжав в узлы,
Кололо солнце нестерпимой остью,
А люди шли,
и были люди злы
Не злобою,
но – праведною злостью.

Она всегда,
кого ты не спроси,
Взрывала сердце
тяжкими рывками,
Когда касались вороги Руси
Холодными и хищными руками.

А «мессеры», как рыжие шмели,
Железным жалом
жалили дорогу.
А люди шли –
и падали в пыли,
Окрасив в кровь
ромашку-недотрогу.

Я помню всё, я видел это сам,
Как с ликами,
 калёными, как камень,
Библейские старухи небесам
Библейскими грозили кулаками.
И медленно в том огненном аду
Средь грохота,
 среди скрежета,
 среди лязга,
Подрагивая скорбно на ходу,
Катилась у мира на виду
Расстрелянная детская коляска.

Об этом нам вовек не позабыть,
Нам на земле такого бы добиться,
Чтоб люди
 разучились убивать,
Убив сперва
 последнего убийцу.

Тексты приводятся по изданиям: *Во имя жизни. Зарубежные поэты о мире.* – М., 1984; *Современная американская поэзия. Антология.* – М., 1975; *Из мрака к свету. Поэзия антифашистского сопротивления Чехословакии.* – М., 1975; *Фронтонная лирика.* – М., 1995; *Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне.* – М., Л., 1965.

Наши гости

Галина Абделаиз

*Окончила Московский Горный Институт. Печата-
лась в коллективных сборниках «Связующее
Слово», в сборнике «Снег и песок» (на арабском
и русском языках), в газете русских эмигрантов в
Марокко. Имеет несколько публикаций в журнале
«Европейская словесность» (г. Кёльн). Член Рос-
сийского союза писателей*

Воспоминания о Марокко...

Вновь Марокко, камешка осколок,
Степи, дым оливковых долин.
Подарил чужак мне, археолог,
Карфагенский расписной кувшин,

Ветку расцветающего лавра,
Медь браслета – змейкой на руке.
Для меня там строят касбу мавры,
Замки терракота на песке.

Над прозрачным, тёплым океаном
Лунной девы синяя чадра.
Хорошо бродить среди туманов,
Пальмовые гладить веера.

Твой кафтан застёжкой серебрится,
Разноцветной кистью из парчи.
Расскажи былины, небылицы,
Не томи разлукой, не молчи.

Изогнулся, поманил субтропик
Плавниками перистыми рыб.
К берегам Испании уходит
Сквозь руины голубой изгиб...

Юрий Алтайцев

Доктор технических наук, профессор, занимается проблемами обеспечения безопасности Объекта «Укрытие» Чернобыльской АЭС, проблемами строительства сейсмостойких зданий

Краденые яблоки

*Укравшие то, что могло быть
украдено жизнью, – не воры...
«Краденые яблоки»,
Евг. Евтушенко, 1968*

Живём, не ведая укора,
В необозримой тишине ...
В плену ночного разговора
Не вспоминайте обо мне.

Когда в студенческую пору
Снимали яблоки в саду,
В чужом саду ночные воры
Себе пророчили беду.

Но жили весело и дружно,
И были помыслы легки ...
Небесной россыпью жемчужин
В траве горели светляки.

А за окном ночные волны,
Как искры яркого огня...
Целебный запах маттиолы –
Призывно трогали меня.

Для всех живущих по соседству
Светла надежда поутру ...
У большинства украли детство,
И юность бьётся на ветру.

В таком обыденном раскладе
Шумел над речкой краснотал ...
Не осуждайте бога ради,
Кто ночью яблоки не крал.

Не будьте в тягостной обиде,
Не поминайте мрак земной,
Кто света лунного не видел
И блеска яблок под луной.

Густой туман над нами,
Кривые тополя,
Побитая дождями
Холодная земля.

Красива и застенчива,
В её глазах – секрет,
Проходит мимо женщина,
Но остаётся след.

Как утро на рассвете,
Как ночь к исходу дня,
Проходит не заметив,
Как будто сквозь меня.

Она в своей заботе,
Как ласточка в плену,
Как пуля на излёте
По сердцу моему.

Дождями небо правит,
Гнездятся облака...
Я осуждать не вправе,
Дорога далека.

Растаял вечер хмурый,
Твой облик озарён...
Летающая фигура
И облетевший клён.

Душе в туман не спится,
Дорога далека.
И хочется напиться
Воды из родника.

Андрей Апаркин

*Поэт, певец, лидер группы «Kosmogonia»,
участник Дней поэзии ВГУ*

Кто твой герой?

Дослушай песню до конца,
Не отворачивай лица!
Кто твой герой? Кто твой кумир?
В какую пропасть рухнул мир?

Ничто не потревожит,
Ничто уже не удивит, –
Ты очарован ложью
И от сомнения привит.

Конец эпох, конец времён.
Но ты совсем не открылён! –
Не бьёшь витрин и не дерзишь,
По ленте новостей скользишь.

Ничто не потревожит,
Не бросит в жар и не смутит. –
Вот натянули вожжи!
А вот уже и кнут летит!

Кто выбрал вместо сна борьбу –
Ему что по лбу, что по лбу!
Кого не сдует ураган –
Возьмёт insult или стакан.

Но что тебя тревожит?
И от чего тебя знобит? –
«Какой хороший вождь был!
Какой поэт опять убит!..»

Юрий Беседин

Выпускник воронежского лесотехнического института

Вербное

Зиму пережили,
нынче Вербное...
Суeta на рынках,
по церквам,
кто-то в вере
про любовь безмерную,
кто в безверье –
снисходителен
к богам.
Вербочки по сумочкам рассованы,
торопливо женщины бегут,
по домам
разносят
запакованны
ноши Святы
с перевязкой туго в жгут.
Выходной!
И граждане – все праздные,
упокоенность и блажь в миру.
Оседает день.
У всех – по-разному.
Исчезает солнце ввечеру.

С чистого листа

Когда все скомканы слова и текст завис,
перо не друг, оно – сомнения печать,
на Бога остается уповать,
с заглавной начиная чистый лист.

Когда полжизни счетчик отсчитал и скис,
и шаг как приговор, что невпопад, не в масть,
на Бога остается уповать,
с заглавной начиная чистый лист.

Движение в тебе, но понимаешь – вниз,
и ноша крайне тяжела – не удержать,
на Бога остается уповать,
с заглавной начиная чистый лист.

Гордыня, разочарование, вражда,
тщеславие – всё на заклятие, всё в тлен.
я верую и верую блажен,
я начинаю с чистого листа.

Алексей Бондарев

Научный сотрудник АО «Концерн «Созвездие»

Кризис среднего возраста

Закусив удила, я бегу всё по кругу,
Не порвать мне судьбы перетёртую нить.
Мои будни уныло сменяют друг друга,
Мне привычный маршрут никогда не сменить.

Я послушен хлысту, я объезженный пони.
Я свободой за горстку овса заплатил.
Шаг за шагом дрожат бубенцы в перезвоне,
И услышать себя не хватает мне сил.

И понять, кто я есть, для чего я родился,
И кому на потеху обязан служить?
Я когда-то упрямо к вершинам стремился
И без цели прекрасной не мог я прожить.

Я за право скакать каждый день на манеже
Свои самые дерзкие продал мечты.
И о жизни былой вспоминаю всё реже,
Погружаясь в объятья немой пустоты.

Ничего не хочу, кроме зрелищ и хлеба.
Я забыл, как надеяться, верить, мечтать.
И желание, глядя на тёмное небо,
Вслед упавшей звезде не смогу загадать.

Я забыл, как встречать золотые рассветы,
Как смеялась и пела живая душа,
Как однажды зажглась она ярче кометы,
А теперь затаилась без сил, чуть дыша.

Только с болью в суставах, с тяжёлой одышкой
Я успел полюбить эту всю круговерть.
Так и буду бежать без сомнений излишних,
На излёте пути здесь найдёт меня смерть.

Сергей Востриков

Выпускник воронежского технологического института

* * *

Не ты это начал,
И выбрал всё это не ты,
И поздно менять
Бескозырные эти расклады,
Но плавится небо
В лучах самой верной звезды,
А значит, стоять
И стоять до вечерней прохлады.

Не ты это начал,
И кончится всё не тобой,
А значит, стоять,

Дожидаюсь пришествия смены.
Мол, хочешь – не хочешь,
Ты этой земли часовой,
Как дом на юру
Или этот вот колос ячменный.

Не ты это начал.
Но если нет смены пока,
То надо стоять
И в безлунную стылую полночь.
Колосья уложит
Незримая чья-то рука,
Но может быть, ты
И успеешь к кому-то на помощь.

Ощущенье весла в заскорузлой сведенной руке
Да предчувствие света вдали – вот и вся недолга.
Я на жалкой лодчонке сную по великой реке,
Как стежками сшивая разорванные берега.

Ощущенье того, что живу эту жизнь не с нуля.
Вот и искорки света на волнах привычно рябят.
Это было уже: приходилась мне домом Земля.
И тогда, и теперь изменить можно только себя.

Изменить можно только себе, и иначе – никак.
Остальное лишь следствие внутренних дрызг и тревог.
Я мечусь по реке, ошалевший от света чудак,
И с улыбкой за мной наблюдает неведомый Бог.

Ветреная зарисовка

День катится к исходу октября,
Снуют ветра холодными ужами.
На рынках хлопотливые южане
торгуют всем – от дынь до имбиря.

Имбирь с лимоном – спутники хандры
и аванпост редутов от простуды.
А на дорожке – палых листьев груды,
и небеса прозрачны и мудры.

На пару с ветром ворошим листву:
его порыв – мой взмах метлы вдогонку.
Лишь детский смех неутомимо звонко
осеннему перечит естеству,

звенит капелью, просит разрешить
порыву ветра сбить с пути сороку.
Ей не успеть к назначенному сроку,
и мне совсем не хочется спешить.

Рыбачок

Памяти Володи...

Ленность больничной палаты,
мир за окном невесом.

Гонит плотвичку куда-то
в небе задумчивый сом.

Окна распахнуты настежь,
август жарой одержим...
Тянутся капельниц снасти,
строгий постельный режим.

Бьюсь на крючке баламутом,
каждый трещит позвонок,
передается кому-то
донки тревожный звонок.

Выбраться надо б из плена,
врешь – не возмёшь с кондачка...
Лета вливается в вену,
щучкой срываюсь с крючка.

Засуетится сестричка
и побледнеет лицом...
В небе играет плотвичка,
смотрит задумчиво сом.

Дарья Гузеева

Член Союза писателей России

Взятки гладки,
всё в порядке,
на тебя смотрю украдкой.
Мёда привкус сладкий-сладкий
в воздухе.
Поле, речка,
земляника,
от воды лучами блики...
Просто так...
Птицы, небо, колокольня...
Убежать с тобою, что ли?
Может, знак,
что болото
то, за полем,
оказалось нашей волей,
скажешь, знак?

Дворник...
Осенние листья.
Осенние лица.
Холодно.
По улицам города
Пёс одинокий бродит.

Стук колёс,
Москва шумит,
Поезд едет вдаль.
На перроне день прибит,

К проводам – февраль.
 День записан в календарь,
 Заключён в тиски,
 Словно азбука в букварь.
 Вот бы счастья взять фонарь,
 Скрыться от тоски.

Метки

Обнимаю кота крепко,
 Будто ты здесь со мной, рядом.
 Просто вижу тебя редко,
 Мне почаще, услышь, надо
 Наших встреч вырезать метки
 На деревьях старого сада.
 Вот осталась одна ветка,
 Остальные – сломать взглядом.

Ирина Гумыркина

Журналист, редактор. Лауреат «Кубка мира по русской поэзии – 2017», лонг-лист «Русской премии» (2016) и литературной премии имени И.Ф. Анненского (2019). Стихи публиковались в журналах «Плавучий мост», «Простор», «Этажи», «Звезда», «Перископ», «Белая скала», в альманахах «45-я параллель» и «Литературная Алма-Ата», на сайте «Полутона». Живёт в Алматы

I

сначала мы были их мечтами
 обычными планами на счастливое будущее
 потом постепенно становились желанием
 о котором они говорили шёпотом
 позже мы стали чувствовать что живём
 не просто в словах и в мыслях
 а в этом мире по-настоящему
 в тёмном пространстве
 наполненном тёплой водой
 мы ощущали себя мальками
 потом саламандрами и черепахами
 не зная совсем ничего о памяти предков
 совсем ничего не зная

II

увидев свет мы стали светом
 тёплым как материнское молоко
 мы стали любовью и смыслом их жизни
 спасением от одиночества
 в тесной комнате
 мы ощущали себя вселенной

III

в закрытом пространстве
 наполненном ярким светом
 мы ощущали себя мотыльками
 бились в чёрные окна
 обжигая тонкие крылья
 а когда пространство заполнилось чёрной водой

мы снова почувствовали себя мальками
 совсем ничего не зная о том
 что стали памятью
 их памятью

Не включай сегодня ни радио, ни телевизор –
 помолчим о главном, вслушиваясь в тишину:
 вот летит она, обезумевшая, с карниза.
 Разобьётся?
 Веришь?
 Да всё равно никому
 не дано увидеть разбросанные останки
 и услышать плач да человеческий вой.
 Мы своё молчание закатаем в банки,
 чтобы было чем
 себя прокормить зимой.

*Есть между всем молчание...
 Леонид Аронзон*

Есть между всем молчание. Оно
 Невыносимо, но необходимо,
 Пока в окне ночном отражено,
 Показывая только пантомимы:
 Вот стул и стол, на нём – пустой стакан,
 Его внутри облизывает муха,
 А ты сидишь не то устал и пьян,
 Не то лишён чувствительности, слуха.
 Вот темнота свисает с потолка
 И принимает позу паука,
 Который жертву новую приметил.
 Немое и бесцветное кино –
 Смотри, пока другого не дано,
 Пока проём окна не станет светел.

Стефания Данилова

Петербургская поэт. Её тексты публикуются в журналах «Аврора», «Юность», «Традиция & Авангард», «Перископ», звучат на федеральных каналах. Выступала в России, Украине, Греции, Индии, Литве, Беларуси. Издатель серии «Разбег», создатель проекта «Стихи, какими они должны быть», международного фестиваля «Всемирный день поэзии» и всероссийского поэтического акселератора «ВПрофессии»

По кофе

И всё-таки – по кофе, Павел Юрьич!
 Октябрь сгорел своих костров первее.
 Во рту безникотиновая горечь.
 Становимся не старше, но мертвее.
 Когда лицо, знакомое до крика
 двух, встретившихся посередине поля
 огромного, поющего, как скрипка,
 становится знакомым вдруг до боли.

А боль отнимет силы жить и верить,
и дискотеку слепит из балета.
Тупую, словно злость лесного вепря,
что вздернет заблудившееся лето
на бивни цвета похоти и смерти.
Вы знаете все то, что знать не нужно:
как то, куда на самом деле в смете
вразвалочку пошли любовь и дружба.
Дарёная мне розовая роза
всего лишь через день совсем поникла.
Малиновые волосы невроза
свалялись в турмалиновые иглы.
И всё-таки, и всё-таки по кофе,
скажите мне, а что в этом такого?
Я боль свою запру в гитарном кофре
и, размахнувшись, выброшу с Тучкова.

Вышел вон

она не виновата, как и я
два берега и между – океан
он слишком громкий, слишком золотой
чтоб свой песок смешав с его водой
обсохнуть на мучительном ветру
покаявшись всем: умру, умру, умру
сначала я, подумав об игре,
не стала думать вдаль об октябре
в котором не одна приду домой
и океан размочит берег мой
и подоконник тронем станет мне
я часть пейзажа в собственном окне

не комнаты и не квартиры часть
меня учили никогда не красть
ладонью в кольцах по столу не бить
еще учили подлинно любить
искусство совмещать всё-всё без драм
как рана, превращаемая в шрам
впилась канатоходцу в ноги нить
и выступление не отменить
пусть мой песок войдет в твои часы
как ты в мой дом бессонным и босым
ночной прилив и утренний отлив
my love, i pray for you – live and let live

я тут, а там, на берегу втором
сад пряничный да яблоневый дом
и человек плюс человек равно
влетающему голубю в окно
там по воде расходятся круги
и смех и грех такие пироги
там бытовое псевдоволшебство
красиво да но мне-то что с того?
но, не отпущен берегом вторым
прими мои бездарные дары
вот слово слов вот колокольный звон
и берег, что весь вышел
вышел вон

Так лети, лепесток

Так лети, лепесток, превращаясь в цветок,
Не приученный вянуть и чахнуть,
вызывая восторг, электрический ток
прямиком на беременный солнцем восток
в золотые фавелы Нячанга,
Где с бумаги стихи, отряхнувшись, встают,
превращаясь в героев историй,
переименовавших уют на приют,
где с рождения не говорят, а поют
об ушедших в открытое море.
Не жалеть, что никто эти сутки не спал.
Что крепка ДНК ситуаций.
Что презренный железнодорожный металл,
от которого каждый остыл и устал,
Переплавили в песни и танцы.
Даже если никто не певец, не танцор,
не поэт, не прозаик, а просто
те, кто в небо вошли черным ходом, торцом
пообщаться друг с другом, как будто с Творцом,
и оно подошло им по росту.
Я лечу лепестком, становлюсь цветком,
страх и ты поменялись местами,
я была фотографией, треком, звонком,
ты – постом, плейлистом, телефонным гудком...
...перестав ими быть, кем мы станем?

Павел Зюзин

*Студент факультета международной журналистики
МГИМО, участник «Дней поэзии ВГУ»*

Телевиденье. Съёмки.
Стою перед камерой.
Где-то хлопает дверца,
Чей-то голос разносится
рупором каменным.
Моё слабое сердце
под густой пеленой
хладнокровья наружного
затянуло арканом.
– Замечательно,
только, пожалуй, не нужно вот
южного
говорка нам, –
до меня донеслась,
раздражая до ужаса,
хрипота режиссёра.
– Я хочу, чтобы ты хорошо поднатужился,
попытайся ещё раз.
Отдышался.
Прокашлялся.
Сосредоточился.
Взгляд сощурил
цементный.

Прочитал –
без сучка!
До последней до точки!
Снято!
Аплодисменты.

...
Театральная площадь.
Фигура Островского.
Закурю сигаретку,
затеряюсь в тени переулка
московского
и как следует гэкну.

Шагают, обнажив коронки пасти,
парадным маршем
времена.
На склеенных обломках
самовластья
стирают
наши
имена.

Здесь привыкли шуметь,
балаболить и спорить.
Доброта
завела
в кабалу.

Где-то в южном просторе
заботливо поит
золотая

Елань

Савалу.

В тех угрюмых краях
я хотел бы проснуться.
Вяжет речь мою

мутный

настой.

В изумрудных полях
я спешу задохнуться
бесконечною

русской

тоской.

Там басистые вихри
кидаются жутко
и деревню

грызут

за бока.

Там куницы притихли
и слушают чутко,
как деревья

скребут

облака.

Дарья Ильгова

Родилась и выросла в Воронежской области. Окончила факультет иностранных языков МГППУ и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор сборников «Снимки» (2013) и «Молчание» (2014). Стихотворения печатались в разных периодических изданиях

Памяти пятна – события, лица.
Маленький вдох как возможность проститься.
Санки в сарае, в углу костыли,
Дремлющий пёс в придорожной пыли.

Косточка детства в земле вызревала,
Не признавая иного родства,
Чем чернозём тяжелее металла
Или побитая зноем листва.

В каждом движении скрыта разлука:
Бело-лиловая маковка лука
Бегло кивнёт – это знак вам двоим, –
Словно тебя признавая своим.

И вырастая из прежнего тела,
Наспех прощаясь с земным и пока
Робко приветствуя, звать неумело
Ветер, созвездия и облака.

Срывается паводок вешний,
Но наш не достроен дворец.
А в зимний подгнивший скворечник
Вселяется новый жилец.

Летит сизокрылая птаха,
Не ведая больших хлопот,
Чем жить без волнений и страха,
Меняя дома каждый год.

Пока за панельную двушку
Мы душу готовы продать,
Кружит над сосновой макушкой
И миру поёт благодать.

Впивается чёрною точкой
В весенний разрез облаков,
И смотрит на нас, одиночек,
И смотрит на нас, дураков.

В перерыве между пловом и шашлыками
За гряточными штыками,
Не дающими помидорам на землю пасть,
Такая страсть –
Наискосок от качелей, подаренных детворе,
На заднем дворе
Я увидела клетки стальную ось,

И сердце оборвалось.
Вперемешку с пожухлой степной травой
Спали кроли.
И каждый из них – живой.
С розовыми обглоданными ушами,
Чуть дышали,
Перебирая лапами в чутком сне.
Так смерть явилась мне.
И пока все смеялись, презрев в себе эту жалость,
Мне оставалось
Пить недрогнувшей рукой
За упокой.

Не имея лучших поводырей,
Мы идём туда, где цветёт пырей,
Осыпается ранней росы стеклярус,
Заставляя ступать быстрее.

Преклонить-то и некуда головы,
Избежав всеядной людской молвы,
Кроме этой колкой, неприхотливой,
Невысокой степной травы.

Одинокие венчики распластав
Среди многоголосия диких трав,
Отпуская на волю семян созвездья,
Продолжением ветра став,

Так и мы качаемся на ветру,
Наблюдая дурашливую игру
Палача и бабочки в паутинке,
Немоту и ее сестру.

Вот уже и сам замолчать готов –
Только нам пырей и болиголов
Не дают покоя, благословляя
Говорить из последних слов.

Тихо летает пичужка
В дымке фонарных огней.
Стылая наша однушка,
Сколько намолено в ней.

Сходится быт безнадёжный
Здесь, за верстой столбовой
Жизни твоей бездорожной,
Жизни моей кочевой.

В мире дешёвых иллюзий,
В мире грошовых идей
Силятся взрослые люди
Так походить на людей.

Нам же досталась в награду
Вместе с прости и прощай
Детская наша бравада,
Взрослая наша печаль.

Ольга Курбангалиева

Журналист, копирайтер, блогер, поэт. Победительница Большого алматинского слэма (2017 г.), автор сборника стихотворений «Море близко» (2019 г.). Участница Литературного фестиваля от Фонда СЭИП в Казахстане (2019 г.)

Секрет

Смотри, из кармана торчит боевой пистолет!
Мне вырезал папа. Ты знаешь, как метко стреляет
Вишнёвыми пулями? Выпишет волчий билет
Любому. Но ты не сболтни кому важный секрет!
Я прячу наган под подушкой, и мама не знает

О том, что по улицам города бродит герой,
Секретный агент: его истинный лик зашифрован.
И был он на мушке, и был под огромной волной,
И в пекле, и в стуже был, выбравшись верой одной
В великую силу карающей пули вишнёвой.

Она не исчезнет. Ты можешь обманывать всех,
Взрослея. В печали и злости тянуться на жилы,
В груди раззадоривать жар, состоять из прорех
И прятать внутри самый сладкий мучительный грех.

Живая вишнёвая косточка даст тебе силы.

Заводная птица

...Часто случается, что именно с пустяка начинаются самые важные в мире вещи.

Харуки Мураками, «Хроники заводной птицы»

Я вытащил пружину из часов,
Верчу в руках, насвистываю лихо,
Подкручиваю кончики усов,
Но в доме тихо.

Подкрался сбоку к ним – и не дышу.
Боюсь услышан быть, а в горле сухо.
В желудке – пусто, в ухе – белый шум,
В окошке – муха.

Тоска в груди: разобрал по частям
Остов часов, а то ли – мой. На мушке
Я временной сию, в уме считаю сам
«Ку-ку» кукушки.

Когда лучистый диск, как наяву,
Мне явится в окне – и вновь родится –
Раздастся скрип. Ведь, в общем, я живу,
Пока смеётся заводная птица.

Я в старом мире был рождён, как динозавр
Эпохи чувств и отношений неолита.
Кометы падали – тарасил я глаза
И не услышал взрыв метеорита.

Я в мире новом – будто вошь на гребешке,
Приколот к лацкану добычей фалериста.
Как дезертир, который слышит вдалеке
Глухое ржание коней кавалеристов.

Я в мире новом – нежеланная жена,
В тоске стареющий неизданный писатель.
Мир выжидает. Тетива напряжена.
Отважен трус,
Умён глупец
И чист предатель.

Безумный мир меня, в грядущее внося,
Благословил.
И тут же смял, как скульптор – глину.
Он мечется. Он словно на сносях.
Родит –
И перережет пуповину.

Елена Кашкина

Выпускница ВГУ, доцент кафедры французской филологии

Переход через пустыню. Арабская вязь

*Я б хранила Магриба кусочек
Прямо в сердце – нет лучше подарка*

Наступает минута, когда всё перепутал, нету верха
и края.
От себя убегая,
Ты бредёшь по пустыне, которая стынет под
ночной чёрной тенью,
что упала в мгновенье.
В темноте нету очей, приютить не захочет –
на песке, как на снеге,
Мы живём, пока в беге.
Как явление мираджа, что приходит однажды, из-
под синего края,
взгляд в лицо не мигая,
Чёрный контур на веке. Заберут туареги, в свой
шатёр: звон браслетов,
жёлтый чай, на рассвете
Зелень острой колючки; жить в пустыне научат,
ощущенью без края.
От себя убегая...

Владимир Кузьменко

Выпускник ВГПУ

Тише, дождь, не смей влезать в мою речь,
Как прохлады утром под одеяло.
Барабанит косая в окно картечь
Маршем вялым.

Подкосит чей-то шаг
Поцелуем глухим в затылок,
Перебьешь мою речь – и никто, и никак
Не узнает, чем кончен отрывок.

И куда так бежал дуралей,
Как и все мы, впрочем.
Наледь стелется злее, крепчей:
На ещё один рот укорочен

Мир. И голос мой – заячий трепет,
Хочет что-то сказать, но боится, что дальше смерть.
Оттого-то из уст моих слабый несётся лепет
И не в силах собраться и колоколом звенеть.

Настя Проскуракова

Учится в 55 школе. Участник многих поэтических дуэлей в Воронеже, вокалист воронежской грав-метал группы «Project: Warrior», вокалист/перкуссионист экспериментального панк-рок коллектива «огнегруша»

Fel Empire

Если меня ты попросишь
Воши сбросить лик и стать Богом,
Я из убогих мироздания горошин
Скую броню себе с дырою глубокой
У основания сердца.
Ты перцем и солью наполнив её,
Дашь этой субстанции там запереться,
И облаком, вздувшись, она поплывёт
За зелёный буёк,
Меня взяв с собою...

Навстречу плыву я смертельному бою!
И слепая подушка, девой слепою
Ведомая, тащит меня там, где рок
С правдой смежён;
Дырою прожжённый, доплыл – и взрываюсь,
Смогом убив несведущих калек –
Таких же слепых для тебя, что, не каюсь,
Посмела нерождённым бить человека...

...и реки
Кроют из крови тебя!
Но если попросишь – любя
С тобою себя, и с нагрудной блестяшкой
Я выпью те реки до дна!
Но... вот только когда
Перед дьявольской шашкой
Возопишь о пощаде ты;
И он скажет повесить на пальмы кресты
Нашу правду – без промедленья
Вспорешь ржавым гвоздём наши рты.

Цивилизация – куча поленьев.
Цивилизация – ты.

Амангельды Рахметов

Родился в 1995 году в г. Уральск. Окончил Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина». Участник Сопровождения молодых литераторов СПР, Международного Литературного фестиваля в Алматы (Фонд СИЭП С.А. Филатова). Публиковался в журналах «Нева», «Подъём», «Простор», «Молоко», «Камертон». Живет в городе Шымкент

На станции выпуклых слез
молчали глухие вагоны –
ни снега, ни снежных стрекоз
не встретить до нового года.

До праздников несколько дней
шел дождик, как почерком нервным
в тетради коллекционера
– коллекционера дождей.

Так лужи валялись, пока
холодные линии света
расчесывали облака –
деревья расчесывал ветер...

По кроны стеклянных домов
скрывалось густое объятие,
как вечные птичьи занятия
в бессмысленном поиске слов.

За поводами опоздать
часы уставали кружиться,
как северные поезда
от севера к южным границам.

Усталость в разгар торжества –
привычка, ни меньше, ни больше...
Толпа расходилась по швам,
и на обнаженную площадь

Скулить выходили собаки
на желтые косточки звезд,
а кто-то все плакал и плакал
на станции выпуклых слез....

Свойство пыли

*Я пришел к тебе с приветом,
рассказать, что солнце...*

А. Фет

Вырви небо из зрачка,
всё останется, как было:
степь, усталость, облака,
взрывы массового мыла.

Воздух-воздух пузыри –
наглость вечности над смертью:
выживай или умри
за попытку править степью.

Мы не птицы, мы – глаза!
разве крылья значит править
в рабстве нежности и зла
наблюдать – одно из правил.

Как рассчитывать на сны,
чтобы жить, нет – научиться
ремонтировать часы,
что смогли остановиться.

Жар испытывая, рыть,
рыть окопами колодцы,
это всё, что значит – жить,
это всё, что значит – солнце...

Звёзды

Дней железные пружины
механических часов
служат так, как заслужили
рядовые ловли снов.

Так, в часах предназначение:
сны из ситцевой тюрьмы
отпускать на обучение
птицам вязкости хурмы.

Так весь тихий океан
в чёрном поиске земли
до Фернандо Магеллана
сны его пересекли.

Это странная привычка
слушать пение существ,
чьи воздушные отмычки
рвутся в шуме путешествий.

Там, где гаснут газ и звёзды
безъязыкого огня,
там твои слезают слезы
с подбородка, как с коня!

Дождь

А. К.

Начинается дождь, как обычно,
Ты уехала, было прохладно.
Я в кофейню зашёл по привычке
на неделю расписывать планы.

Дочитать, дописать, доработать,
Довести до конца, до предела
Эти строчки чернильного пота
Из большого небесного тела.

Просыпаются длинные лужи
За короткое время грустить
Ты – моя, в этом есть неуклюжесть
Золотого пространства прости.

Напишу на верблюжьем – люблю,
А получится снова – я занят,
Я запутался, север где юг,
Где восход происходит, где запад?

Я запутался, ты – подожди!
Мы способны на вместе, когда
Облака обсуждают дожди,
Как разведчики шум в проводах.

Мы способны на дождь, мы обязаны
Принимать его, пробовать мокнуть,
Как гостей на внимательном празднике
В нашем доме с огромными окнами.

Вода

Живая ночь – и облака
скрывают знаки зодиака,
луну, как лунку рыбака –
там где-то некому заплакать.

Там где-то некого учить
вооружаться длинной веткой,
в леса закручивать крючки
и трогать воду до рассвета.

И в никуда происходить
кругами, рябью, испарением,
чтоб ни одна на свете нить
к нам не притягивала время.

Так начинаются часы
для записей в тетради ночи:
несуществующие сны,
несуществующие строчки...

Вода уходит в облака,
за облака, за ось вращения
планеты, где на червяка
клюёт – такое ощущение!

Лицо возникло, я смотрю,
как косточки из абрикосов
глаза, а в памяти урюк
несут на солнечном подносе.

Ариша Сергеева

*Окончила Московский государственный
педагогический университет имени В.И. Ленина,
работает в детской театральной студии.*

Хотеть не вредно...

Мечтать не вредно, вредно не мечтать –
Взахлеб, взапой, неистово, бесстыже,
Что мы близки – и невозможно стать
Ни на одно прикосновенье ближе.

Хотеть не вредно, вредно не хотеть
Преодолеть земное притяжение,
Упав на небо, в бездну бездн взлететь
На пике неизбежного сближенья.

Совпасть не вредно, вредно не совпасть,
Пойдя на поводу избитых правил,
Что не к добру чужое счастье красть...
Ну а свое терять мы разве вправе?

Пусть не сложились в рифмы наши дни,
Зато опять в стихи сложились строки,
Чтоб ты поверил – родинки мои
Без губ твоих безумно одиноки...

Просто март...

Не подумай ничего такого –
Просто грусть погладила строку,
Просто зимний лёд ещё не сколот,
Добавляя рифмам холодку.

Просто март капризен, как ребёнок,
Требуя вниманья и тепла...
Просто серость небовых пелёнок
В настроенье сыростью стекла.

Просто не хватает витаминов
Ослабевшим чувствам и словам...
И мечты под гнётом карантин
Норовят разъехаться по швам.

Просто повседневности короста
Держит вдохновенье в скорлупе.
Просто оказалось так непросто
Рассказать про главное тебе...

Алексей Серёгин

Член клуба поэтов «Лик»

Попутчики

Был ветер, говорил певуче...
Плелись над городами тучи,
И будто бы на целом свете
Был ветер...

И вторил дождь, и тараторил,
И под ногами твердь, как море,
Впотьмах луны и звёзд не надо,
Тьме небо радо...

А третий их попутчик – холод –
Был иглами в пространство вколот,
И лунный глаз смотрел бесстрастно
В пространство...

Ловцы

Идеи в воздухе, хоть и дождём пробиты,
А всё ж не сходят со своей орбиты,

И главное для мыслящих людей –
Вооружившись вовремя сачками,
Ловцами быть летающих идей.

Кто видит так, а кто снабжён очками,
Кого-то не подводит в ловле слух,
И вот – перестают быть дурачками
И обретают – кто господ, кто слуг...

Но вот что непонятно до конца:
Возможно ли обратное явление?
Что делать нам с тобою, если вдруг
Идея сможет захватить ловца,
И будет он - одно лишь впечатление?

Игрушки

Ночь – дня прошедшего холодный негатив –
В сон погружает всё, волною накатив,

И утром, как отлив, водою пенной
Уходит, берег сонный обнажив,
В мир очень странный, необыкновенный,

И оставляет память о себе
Неясных страхов тонкие межи.
И оттого ли месяц вовсе бел,
И звёзд лучи пронзают, как ножи?

Волна отхлынула, и новые игрушки
Для разума оставив на виду,
Прошепчет: «Утром дольше полежи!» –
И тайной пропитался пух подушки.
Дагерротип... И свет подобен льду.

Не суете, но звуков сонму,
Отдать себя в дождливый день.
Неспешным, даже полусонным,
Блуждать совсем в иной среде,

Иного вторника наполнясь
Строением, в иной четверг
Вторгаться, ощущая вольность
Непробытия нигде...

Но – с кем-то, а не в одиночку...
Но – с кем-то, пусть не в такт, дыша...
И непоставленную точку
Найти концом карандаша.

Павел Сидельников

*Учится в Российском университете правосудия.
Победитель студенческих поэтических конкурсов
в номинации «Авторское слово». Выпускник школы
литературного мастерства им. В. Крапивина. Состо-
ит в Совете молодых литераторов Воронежа*

* * *

Ты уходишь туда, где цветы порождают растенья,
где цветочная пыль показалась застенчивой тенью,

и ты топчешь траву, как листы обалдевшая осень.
Позвоночная ветка шумит на холмистом откосе.

Под твоими ногами цепенеет покорная грива,
прорастают деревья –

о, Боже, как это красиво!

Юрий Силантьев

*Неоднократный участник Дней поэзии ВГУ.
Член Союза писателей России*

* * *

Плачь надо мной, пока я жив, – прошу!
А мокрый снег ложится мне на плечи,
когда, живой, по городу брожу –
и не по мне горят в церквушках свечи...

Всё ещё жив. Твоей заслуги нет
в том, что покуда вен не перерезал...
Плачь, хороня в себе мой чудный свет,
оставленный тобой без интереса.

Ещё не меркнет солнце за окном,
но так болят в моей душе занозы!
Плачь, по щекам размазывая слезы,
не оставляй слезинок на потом...

Что мёртвому заупокойный вой?
Плачь надо мной, покуда я живой!

* * *

Давным-давно со мною был мой сын.
И жизнь моя тогда была иною.
Но сквозь года из прошлого со мною
никто не вышел. Я стою один.

И не избавить память от руин
тех лет моих, лежащих за спиною,
где я за всё, чего сегодня стою,
платил по счёту серебром седин

и сердца златом... Дорогая плата,
вы скажете? Я б больше заплатил
за то, чтобы хоть кто-то возвратил

мне сына из страны теней обратно!
Но даже то – увы, – невероятно,
что встречу я его в краю могил...

Начало

Я вышел в ночь. Она меня объяла
и приняла, укутав с головой
в тяжёлое сырое одеяло,
глушившее мой голос молодой.

Я вышел в ночь... И было мне несладко.
Жёг громовержец молниями мглу
набрякших туч, и ветер выл надсадно
и рвал деревья, яростен и глуп...

И лунный свет несбыточной мечтою
в глухих подвалах ночи догнивал...
Но место, где должна бы надо мною
гореть звезда, я точно угадал!

Елена Тулукина

*Заведующая библиотекой №11 МБУК «ЦБС» г.
Воронежа. Выпускница факультета русского языка
и литературы ВГПУ*

Простуженных улиц россыпь.
И город охрип, продрог.
Жемчужно-белые росы
Ложатся на пыль дорог.

Все маски свои откинув,
В кармане найти ключи.
Чтоб грело тепло камина,
Домой поспешить в ночи

Забраться с ногами в кресло.
Поставить негромкий джаз.

Согрелась душа. Воскресла
От нескольких теплых фраз.

Кипит на плите кофейник.
В духовке пирог готов.
Декабрь. Пора глинтвейна
И теплых ручных котов.

Антон Шамраев

*Родился в 1997 году в селе Верхний Бык Воро-
бьевского района Воронежской области. Окончил
Воронежский государственный технический уни-
верситет. Публиковался в журнале «Подъём»*

конечный мир всё так же происходит
и в принципе ни в чём не виноват
и бабочки и ультрапатриоты
имеют и причину и финал
и множество затасканных реакций
стоит как лес не взятый топором
но просыпаться через эти дебри
ничуть не хуже чем спокойно спать

А. К.

а зачем фонари и вообще визуальный ряд
если голос твой лучше рисует чем сотни рук
а герои проходят сквозь тысячи передряг
пробиваются мучатся но всё равно умрут

продолжай говорить пешеходам и льду назло
и не важно о чём потому что ты знаешь как
и зачем понимать если способы связи слов
говорят явно больше материи языка

Четыре осени

Тоска и пыль – основа рациона,
когда июнь не так, как в десять лет,
а мимо запылённого балкона
проходит за картонный полулес,

цепляет воробьёв, набитых ватой,
фальшивых новостроек гарнизон,
и медленно уходит за щербатый
горящими домами горизонт.

Смотри какая осень, Кицунэ,
как горько запрокинуты деревья,
вычерчивая жилы Амазонки
на фоне неба, терпкого как дым.

Смотри, как тяжелеют облака,
и время превращается в одежду,

но только не беги за поездами,
не делай ничего – смотри, смотри...

*...а жизнь, она – дежурный дирижабль,
зависимый от направления ветра.
Аман Рахметов*

И только пепел – пепел воронья
кружит и приземляется на сосны,
и вскакивает к выцветшему солнцу,
и вслед за солнцем на круги своя

заходит, оставляя этажам
зажмуриваться на грядущий вечер.
А жизнь – она совсем не дирижабль,
а только ветер.

пойдём я напишу тебе стихи
не здесь не здесь а дальше за железной
дорогой упирающейся в лес на
границе мира там где сорняки

не видели асфальта я дерзну
собрать тебя из слов и будет холод
и ты решишь что этот не подходит
и лучше тот что пишет про весну

Дарья Швецова

*Школьница, живёт в г. Пенза. Дебютант
«Дня поэзии ВГУ»*

опять ни звука, хоть рви, хоть вой.
спугнули, вмяли в асфальт ходьбой.
пиши-пропало. подошв подстил
фальшиво скрипнул «прости».
простил.
прогнулась лавка под весом сна.
противно хвоей скрипит сосна.
скребу в тетради: «и липы шум...»
зевнула ручка: «пиши».
пишу.
упрямо мерю шагами дом.
печенье. яблоки. валидол.
зрачками режутся донья блюд.
зализгал ножик: «не спи».
не сплю.
завешен шторой. темно.
вся ночь – рутинным веретеном,
в котором стержень – окна прогал.
сместилась рама. «живи».
ага.

Воронеж

ты, конечно, совсем не помнишь,
как светился в лучах Воронеж.
задевая дома локтями,
сбив рассвет на пяти мостах,

по сплошной шёл походкой твёрдой.
каждый шаг был пустым аккордом,
он их складывал по частям, и
убаюкивал на листьях.

ровно жизнь собирал он ноты,
спотыкаясь на поворотах,
пропускал, приходил обратно,
с чьих-то окон сдирал диез.

первый лист, третий, пятый,..
первый
не выходит никак с припевом,
вот бы было там «до-ля-фа»...но
он за «фа» тогда не полез.

на десятом листе дорога
разделилась на много-много
одинаковых разветвлений,
белых, чёрных, двойных октав.

он шагнул на октаву ниже.
пламя жаркое пятки лижет
и сгорает с листьями время,
как в артериях жгучих лав.

больше он не писал ни такта.
первый, третий, второй и пятый –
все, положенное в ящик
было выброшено за борт.

. . .

сколько дней пробежало мимо,
сколько клочья летели в милях.

ты сегодня в лесной звенящей
тишине вдруг узнал аккорд.

и когда ты услышишь проигрыш,
мой далёкий живой Воронеж,
то поймешь, что знакомый ритм
слышишь в ком-то совсем ином.

ты поймёшь, что все эти годы
ты писал для того лишь, чтобы
кто-то в звук превратил чернила
и сыграл тебе
на ф(а)-но.

Адресату

адресованный больше взгляду,
чем стране, городам, домам,
день за днём, год и месяц кряду
ждёт конверт, что его отдам.

ждёт письмо, как углом сойдётся
с обнажившей его рукой.

только б тексту увидеть солнце.
только б текст у него – другой.

...

под заплатками туч и сини, –
будто кто-то перекроил, –
хрусталём на краю России
лётся тихой Невы графин.

ночью звёзды стежки срезают
и собой заполняют швы,
умывая с утра слезами
всех изжившихся и живых.

...эта сказка из зданий-замков,
сказка-север, гроза, порыв –
как блесна - старт смертельных салок
для блестящих - жестяных - рыб.

для пираний, что в злом потоке
будут кожу мне надрезать.
и нечётким застынет тот, кем
и является адресат.

в чешуе отраженным камнем
померещится – глянь – нет дна.

разве ж гибелью та река мне?
разве ж я утону одна?

но корабликом-оригами
вот письмо и его устав –

оберегом лишь берега мне:
горы-море да три моста.

...

знайте: кровью затопит солнце,
если тот адресат – не вы.

под заплатками сини льётся
ярко-алый графин Невы.

Татьяна Шепелева

Член Союза российских писателей, лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции»

Что-то будет всегда недоношено,
позабыто, оборвано, брошено,

недописано, недосказано,
по рукам и ногам недовязано,

недошито, размыто, распорото,
не докурено, не уколото,

недовешено, скрыто, упущено,
жерновами протёрто, расплющено,

в ледяных зеркалах перекошено,
на эпоху и время помножено,

словно крошками мошам накрошено,
словно косами острыми скоше/
НО,
мы легки и останемся
птицами
с удивлёнными звёздными лицами,
с удлинёнными пальцами-спицами,
устремленными
в космос
синицами.

О, нашествие
желтых кошек,
теплых кошек,
пушистых кошек,
кошек солнечных и лучистых
и мурчистых,
таких мурчистых!

Впору мчаться и удивляться,
расставаться и вновь встречаться,
на качелях любви качаться
и уверовать в чудеса!

Стала круглой и важной кошка,
засияла весенним светом,
у котят, что родятся летом
будут теплые голоса!

Череда

Если будет вода и еда,
если будет замок и отмычка,
если будет стезя и привычка,
я скажу: «Череда, череда».

Я устал, я устал, я уста...
что твердят в онемении черном:
...Я рожден в девяносто четвертом
и горел как горели леса,
...Я рожден в девяносто одном
ненадежном, больном, желторотом,
что нарёкся лихим поворотом,
а исчез как похмельный фантом.

Удивлен и пропитан войной
в нашем городе вечной метели,
я иду сквозь потопа и мели,
сквозь гримасы заразы чумной.
Остальное – победа-беда,
что бежит, пожирая больное,
но живое, пока что живое,
я твержу: «Череда, череда...»

Добежать бы, доплыть бы, добыть
большеротую скользкую рыбу,
с чешуей переливчатой, ибо
нам другого не стоит ловить...

Письма крымскому другу

Нынче ветрено и волны с перехлестом?
Я не знаю, я давно у моря не был.
Где-то друг мой недалёкий Перепостум
В Интернете ищет истины и хлеба.

Деньги тешат до известного предела,
Кабаки и бабы – ухнул – не вернулся,
До меня доходят слухи то и дело,
Что загнулся тот и этот вдруг загнулся...

Не скажу, что сердце болью истомилось –
Мне не надо лебезить и торопиться,
А скажи-ка, Перепостум, как случилось,
Что ворюга превратился в кровопийцу?

Я сижу в своем углу, ворон считаю,
А не спится, так считаю тонкорунных;
Вместо войн, тщеты и разочарований
Лишь бубнение сотоварищей разумных.

Извини, что получилось так уныло –
Посчастливилось в империи родиться,
Если разом столько счастья привалило,
Лучше верно, места нет, чем психбольница.

Вот и прожили мы в Третьем, как ни странно,
А в Четвертый, как известно, путь неведом,
Голос внутренний твердит мне постоянно,
Что ты очень скоро станешь мне соседом.

Марина Ширма

р.п. Таловая

Закат пылающий увяз
В ветвях колючего кизила,
Ночь съёмцами в урочный час
Огонь привычно погасила.

И заорали во всю мочь,
Коты, блажа невыносимо,
Сердито прогоняя прочь
Вновь загостившуюся Зиму.

А под покровом темноты
Обиженная старушонка
Трясла снегами на хвосты
Из прохудившейся котомки,

Грозилась тающей клюкой,
Но совершенно обессилев,
Она, в сердцах махнув рукой,
Растаяла во тьме чернильной.

Эльвира Щербакова

Старший преподаватель, главный редактор газеты «Учитель» ВГПУ. Победитель Открытого молодежного фестиваля поэзии и авторской песни «Серебряный Родник» (2017), Межрегионального фестиваля авторского творчества «Берег» (2017), лауреат Всероссийского слёта молодых поэтов «Зелёный листок» (2017)

Ни писать, ни слушать не хочу –
И повешу нос на подоконник –
«Почему ты не идёшь к врачу?
Он твой самый яростный поклонник».
Теребит за окнами листва
Незажившей раны безразличье.
«Ты наверняка была права –
Поменять бы прежнее обличье,
Полететь стрелою на крыльцо –
Серой птахою в стекло забиться...
Цепь событий – толстое кольцо –
Сквозь него хотелось бы пробиться»...
Зашумели капли по стеклу –
Шелестят омытые листочки...
«Ты права, я просто не могу
Дописать историю до точки».
Ни страдать, ни плакать не хочу,
Всё листаю постаревший сонник,
Время лечит – просто замолчу –
Солнца луч упал на подоконник...

Отцу, В.В. Щербакову (1964–2019)

Ты просто говори мне о любви,
Я просто подышу сейчас в сторонку.
А по ночам – сквозные холодки –
И хочется бежать к тебе вдогонку –
И хочется кричать – «Не уходи,
Не умножай потерянные души»...
Хочу услышать робкие шаги –
И тихий шепот: «здесь ты нужен!»
И прошептать при свете «я люблю
твои безумно нежные коленки»,
Но за тобою снова не бегу –
И в мыслях расплываются оттенки...
Сегодня говори мне любви...

К 90-летию со дня рождения Василия Михайловича Пескова

Путешествие с молодым месяцем, или Журналистика как фантастика

(развёрнутое стихотворение в прозе с вынужденными объяснениями)

«Путешествие с молодым месяцем» задумано было по особому случаю. Стране исполнялось пятьдесят лет. Захотелось выбрать такие пути, чтобы разом почувствовать огромное расстояние нашей земли, увидеть, чего не было пять-десять лет назад и чего не было ещё вчера... В июне 1966 года путешествие началось. В ноябре 1967 года, в канун юбилейного праздника, путешествие закончилось.

В. Песков

Теперь это уже история.

Если угодно, лирический документ. Окололирический. Историко-журналистский.

Теперь нет (э)той страны. Многое, увиденное тогда, стало неузнаваемым. Что-то и вовсе развалилось, как рыхлый мартовский снег.

Читаешь с недоумением: разве всё это когда-то было?

Журналистика как фантастика.

«Путешествие с молодым месяцем» Василия Пескова вроде «Заставы Ильича» Марлена Хуциева. О радости, о надежде. Правда, у Пескова никогда не будет своего «Июльского дождя». Он как бы не разочаруется ни в социализме, ни в человеческом лице.

Если только в девяностые. Но то будут разочарования иного порядка.

*

Песков всегда — о чем бы ни писал — влюблён в жизнь.

Не любовью художника, невыносимой и страшной, — любовью человека. Родной и понятной.

(Ворон, даже если умеет, не поёт дроздом, понимая, что он ворон.)

Впрочем, иногда голос пробивается: «Уже много лет внутри мельницы не мукой пахнет, а пылью, которую ветер собирал по дорогам и приносил в щели под крышей. Но, конечно, как у всех, была у мельницы молодость. Сколько разных ветров пронеслось! Каждый ветер приносил мельнице радость. Чуть подул — заскрипели по дорогам телеги. Вся поляна запружена лошадьми, мужиками и бабами. Ругаются и смеются. Носят в мельницу тугие мешки с теплым зерном...»

С тёплым зерном. Какая деревенская бережливость (слога), избирательность.

Вот ещё: «Едем с поля. Высокий воз со снопами. Я сию на самом верху. Видно спину лошади. Воз

плавно качается. Летают комары, скрипит телега. Пахнет пылью...»

Согласитесь, что-то тургеневское. Маленькое стихотворение в прозе.

Наверное, недаром стихи — первое, что написал Песков. Лет семь назад его сестра Мария Михайловна мне их читала. Детские. Шутливые. О зиме и новогодних «конфетках». Читала по-девичьи звонко. А в конце разговора просила: «Ты позванивай мне, хорошо? Позванивай».

Звонил я, правда, редко.

Стеснялся.

Теперь и не знаю, жива ли она.

*

Всё не теряю надежды написать о задуманном: связать слово (образ) с ландшафтом (хотя бы — с пейзажем). Всё дальше от этого ухожу. Интересное другое: вписанность песковского «Путешествия» в контекст поздней оттепели (книга издана в 69-м, но само путешествие закончилось в ноябре 67-го — почти за год до танков в Праге), отношения первого журналиста страны с советской властью, с цензурой и т.д.

Об этом почти ничего не известно.

То ли Пескову подобное было неинтересно, то ли он понимал всю тщетность такого рода намерений.

Разве можно было, говоря со страниц «Комсомольской правды» о северных стройках, упомянуть лагеря?

И так в очерке, посвящённом Академгородку, проскакивает кое-что о клубе «под интегралом», которым управляют «министры и президент», о конкурсе красоты, где одна из претенденток оказывается парнем... Вот он, свобода, такая необходимая, но, мягко говоря, отдающая безвкусицей.

Теперь мы ищем спасения от неё.

Наделили нас богатством, а что делать с ним, не сказали, как писал, предвещая оттепель в 54-м, Евтушенко.

*

Кто такой В. Песков? Писатель? Фотограф? Телеведущий? Путешественник?

Журналист.

Каких не только сегодня — всегда мало.

Вдумчивый. Зоркий. Честный.

Только о человеке на фоне природы (о природе на фоне человека) журналист и мог писать честно. Во всём остальном пришлось бы лгать.

Хотя у него в распоряжении была ещё фотография. Фотографией тоже можно сказать правду.

Мучительно вглядываюсь в лица, снятые Песковым. Бабушка и внучка. Потомок Ломоносова. Старик,

убивший сына-дезертира. Дети у кабины вертолѐта. В детские глаза смотрю напряжѐннее и дольше. Сейчас им должно быть лет по шестьдесят. Как сложилась их жизнь? Есть ли у них дети и внуки? Помнят ли они об этом загадочном по тем временам вертолѐте?

Вряд ли.

Теперь, наверное, их глаза побледнели. Восторженность сменила настороженность, то и дело гаснущая в усталости.

И отчего-то напрасными и нелепыми кажутся слова под фотографией: «Из таких вот мальчишек вырос человек, придумавший крылья и эту машину без крыльев».

Как будто не из таких мальчишек. Не из таких.

*

Ах, написать бы сегодня такую книгу!

К тридцатилетию (здесь должен быть насмешливый смайлик) страны! Показать, как она, Россия, на самом деле!.. Или придётся подождать полувекового

юбилея? И я постарше буду: одумаюсь, может быть.

Не брать же деньги на путешествие у Джорджа Сороса?

Не патриотично как-то.

*

Чуть ли не каждый вечер (особенно в плохую погоду, когда не бывает людей) хожу по улице Пескова — по старинной березовой аллее между яблоневым садом на Шишкова, на месте которого совсем скоро появится жилой комплекс (говорят, в честь Бунина), и коттеджами на Ломоносова.

Берѐзовые листья кружатся, переходя в снега. Берѐза дольше прочих держится: некоторые терпят до глубокой зимы. Чернозѐм под ногами крепчает. Ночью будет мороз. Снег сойдет на нет, истончится. И в мягких голых ветвях будет качаться молодой месяц.

Василий Нацентов

Из далёкой стороны

Тияна Йокич

(Сербия). «Путь души»

Жила-была однажды в Воронеже девочка, которая выросла и поступила на филологический факультет. Она училась и сочиняла хорошие стихи. А когда учёба закончилась, эта девушка уехала в Сербию. И там, помимо прочего, стала учить русскому языку одну сербскую поэтессу. Да так хорошо делала это, что многие стихи к той сербиянке стали вдруг приходить на русском языке!

Девушку из Воронежа зовут Мария Буйич, и она часто публиковалась в «Дне поэзии», когда ещё была Машей Лапыгиной. А сербиянку зовут Тияна Йокич, и она подарила Воронежу свою книгу. Два стихотворения из неё мы печатаем в нашем альманахе.

*«Мой родной язык сербский, но я очень люблю русский язык, я им живу.
Все мои чувства я могу выразить только сквозь русский язык. Это какая-то необыкновенная связь между им и моей душой, необъяснимое переплетение. Из этой связи, из этого переплетения родились все мои стихотворения. Вдохновили меня люди, разные ситуации в жизни, мои воспоминания, мысли о смысле нашей жизни, о душе, которая смотрит в небо. Любовь, боль, печаль, надежда, которая возвращается, — все мои чувства собрались в моих стихотворениях. Корректор моей книги стихотворений «Путь души», Мария Буйич, помогла мне, чтобы мои стихотворения стали ещё красивее».*

Тияна Йокич

Одна звезда

Одна звезда
С небес на землю смотрела
И думала она, как бы это чудесно было,
Если бы у неё жизнь земная была.

Она мечтала
Девушкой прекрасной стать,
Ах, если бы у неё было
Прекрасное нежное лицо,
Глубокие, голубые, сияющие глаза,
Длинные волосы,
Как бы это чудесно было,
Если бы она свой лик сменила
И образ женщины получила.

Тогда бы она могла танцевать,
По полям бегать,
В глубоком море плавать,
В его глубину нырять,
Воздухом дышать,
Руками своими цветы срывать.

Так она на землю заглядывалась
И всё больше, и больше своими желаниями
Восхищалась.

А потом на земле
Молодого человека увидела,
Красоту его сразу заметила.
Чем больше на него смотрела,
Тем больше его красотой восхищалась
И, наконец, сильно в него влюбилась.

Говорили другие звёзды:
«Не смотри больше на землю так внимательно,
Не смотри на него,
Твоя жизнь здесь на небе.
Если на землю спустишься,
Никогда больше не вернёшься.
Спокойную жизнь, которая у нас, звёзд, есть,
Потеряешь,
А вместе с любовью, восхищением,
Которые жизнь земная дарит,
Трудности земные получишь.
Поэтому забудь всё, о чём мечтала,
На нас, твоих сестёр, посмотри,
Желания о жизни на земле отпусти!»

Но она не смогла их отпустить...

Обо всём она могла бы забыть:
Об образе женщины,
О прекрасном лице, танце, цветах.
Но человека, теперь уже любимого,
Не смогла забыть.
Тоска и печаль её мучили,
Разлуку не смогла выдержать.

Наконец на землю спустилась,
Перед любимым человеком появилась.

Когда он её увидел,
Сразу в её сияющие глаза влюбился
И понял,
Почему так долго в небо смотрел
И кого-то ждал.

Свою звезду-невесту поцеловал
И до конца жизни никогда не отпускал.

Једна звезда

Једна је звезда
са неба на земљу гледала
и мислила како би дивно било,
када би земаљски живот имала.

Маштала је
да прелепа девојка постане,
да има прекрасно нежно лице,
дубоке, плаве, светлуцаве очи,
дугу косу,
како би чудесно било,
када би свој изменила лик
и женско обличје добила.

Тада би могла да плеше,
по пољима трчи,
у дубоком мору плива,
у његову дубину урања,
ваздух дише,
цвеће рукама својим бере.

У земљу се загледала
и својим се жељама све више и више
усхићавала.

А затим је на земљи
младог човека угледала,
лепоту његову одмах приметила,
што га је више гледала,
све се више његовој лепоти дивила
и на крају се у њега силно заљубила.

Говориле су друге звезде:
"Не посматрај земљу тако пажљиво,
не посматрај њега,
твој живот је на небу.
Ако се на земљу спустиш,
никада се нећеш вратити.
Спокојан живот, нама звездама дат,
изгубићеш,
а заједно са љубављу, усхићењем,
које живот на земљи дарује
и тешкоће земаљске добићеш.
Зато заборави све о чему си маштала,
у нас звезде, сестре своје, гледај,
а жеље о животу на земљи пусти!"

Али она није могла да их пусти...

Све би могла да заборави:
и женско обличје,
и прекрасно лице, плес, цвеће,
али човека, сада већ вољеног,
није могла да заборави.

Сета и туга су је притискали,
раздвојеност није могла да издржи.

На земљу се спустила,
пред вољеним човеком се појавила.

Када је угледао
у њене се светлуцаве очи заљубио
и тада је схватио,
зашто је тако дуго у небо гледао
и кога је то чекао.

Своју звезду – невесту је пољубио
и до краја живота је није пустио.

Небесная дорога

На земле стою, а в небо смотрю:
В его пространстве и облаках
Вижу глубину,
Которая глубокие тайны скрывает,
А нам людям на земле
Легко их не открывает.

Однажды ты и я вместе
У окна стояли
И в небо задумчиво смотрели...

Иногда,
Когда ты задумчиво в небо смотришь,
Тогда тебе что-то открывается.
Иногда,
Когда я задумчивая стою и в небо смотрю,
Тогда мне что-то открывается.
Но всё это так неясно,
Как в тумане чувства
Пытаюсь что-то почувствовать,
И знаю, что с тобою то же самое случается.

Может быть, что ты, как и я,
Небесную дорогу ищешь,
Дорогу, которая вечно связывает небо и землю.
Может быть, по этой дороге ангелы ходят,
Спускаются с небес на землю,
Каждого из нас навещают
И вечно нам помогают.

Может быть, что души наши,
Когда земную жизнь завершают
По небесной дороге с земли уходят,
А на небеса приходят,
Чтобы спокойствие найти
И там спокойно жить.

Иногда ты смотришь,
Иногда я смотрю,
Как блещут звёзды
На голубом пространстве небесном.
Звёзды мерцают,

Но словно они не на небе,
А в душе моей.
Они её отражение,
Которое в звёздах на небе я вижу.
Мерцают звёзды на небе,
Словно в душе моей,
Я чувствую: мерцают они и в душе твоей,
И в душах всех людей,
Связывая нас здесь на земле.

Эти невидимые связи –
Самое драгоценное, что у нас есть,
Охраняют нас, всегда нам помогают,
Чтобы всю жизнь земную
Любви мы учились
И в конце исцелились.

Небеска стаза

На земљи стојим, у небо гледам,
у његовом простанству и облацима
видим дубину,
дубину која дубоке тајне скрива,
а људима на земљи лако их не открива.

Једном смо ти и ја,
заједно крај прозора стајали,
у небо замишљено гледали...

Некада,
када ти замишљено у небо гледаш,
нешто ти се открива.
Некада,
када ја замишљена стојим и у небо гледам,
нешто ми се открива.
Али све је нејасно,
као у магли осећања
покушавам да то нешто осетим
и знам да се и теби исто дешава.

Можда ти као и ја,
небеску стазу тражиш,
стазу која вечно повезује небо и земљу
и може бити да по њој анђели ходају,
спуштају се са неба на земљу,
сваког од нас посећују
и вечно нам помажу.

Можда душе наше,
када земаљски живот завршавају
по небеској стази са земље одлазе,
на небо долазе,
да би спокојство нашле
и у миру вечно живеле.

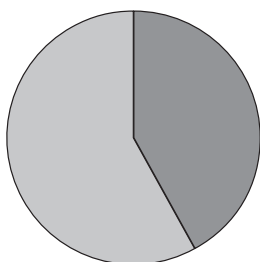
Некада ти посматраш,
некада ја посматрам,
како блистају звезде
на плавом простанству небеском.
Оне светлуцају,
и као да звезде и нису на небу
него у мојој души.
То је одраз душе моје,
одраз који на небу у звездама видим.
Светлуцају звезде на небу,
као у души мојој,
а ја осећам да сијају и у души твојој,
и у душама свих људи
и тако нас овде на земљи повезују.

Те невидљиве везе
су најдрагоценије што имамо,
оне нас чувају, помажу нам
да се кроз живот земаљски
љубави учимо
и на крају и исцелимо.

Читают ли ныне стихи? (опрос)

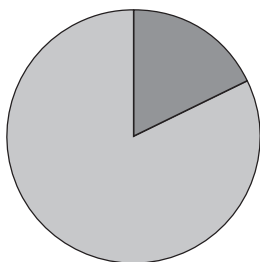
Юридический факультет

Читаете ли Вы поэзию? (50 человек)

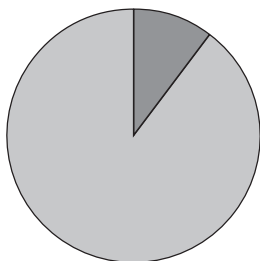
- Да (42 %) – 21 человек
- Нет (58 %) – 29 человек

Классическая или современная поэзия?
(37 человек)

- Современная (6,5%) – 7 человек
- Классическая (86,4%) – 32 человек
- При этом 7,1% (8) опрошенных читают и то, и другое.

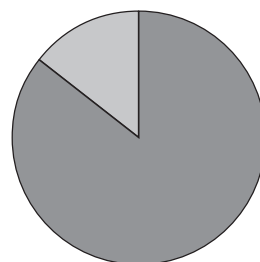
Знаете ли Вы кого-нибудь из воронежских авторов? (48 человек)

- Да (10,5 %) – 5 человек
 - Нет (89,5 %) – 43 человека
- Опрошенные назвали таких авторов как
А. Калашников, Е. Дудукина и Р. Прилепин.

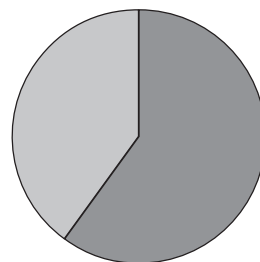
Биологический факультет

Читаете ли Вы поэзию? (14 человек)

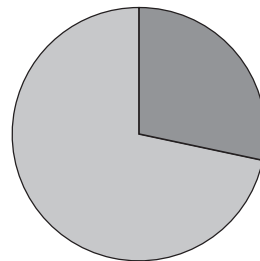
- Да (85,7%) – 12 человек
- Нет (14,3%) – 2 человека

Классическая или современная поэзия?
(14 человек)

- Современная (64,2%) – 9 человек
- Классическая (35,8%) – 6 человек

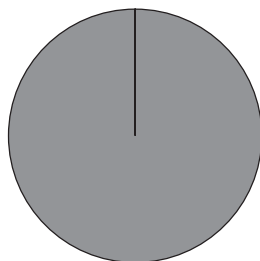
Знаете ли Вы кого-нибудь из воронежских авторов? (14 человек)

- Да (28,6%) – 4 человека
 - Нет (71,4%) – 10 человек
- Опрошенные назвали фамилии таких авторов
как И.А Бунин, А.В. Кольцов, И.С. Никитин,
С.Я. Маршак и А.П. Платонов.

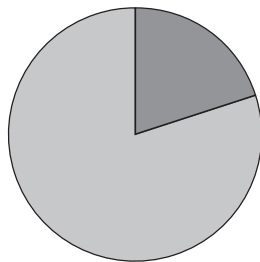
Факультет журналистики:

Читаете ли Вы поэзию? (10 человек)

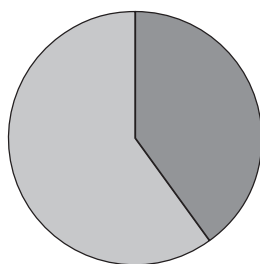
■ Да (100%) – 10 человек
■ Нет (0%) – 0 человек

Классическая или современная поэзия? (10 человек)

■ Современная (20%) – 2 человека
■ Классическая (80%) – 8 человек

Знаете ли Вы кого-нибудь из воронежских авторов? (10 человек)

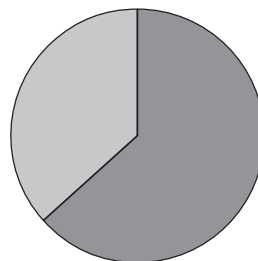

■ Да (40%) – 4 человека
■ Нет (60%) – 6 человек

Опрошенные назвали таких авторов как И.А Бунин, С.Я. Маршак и А.П. Платонов.

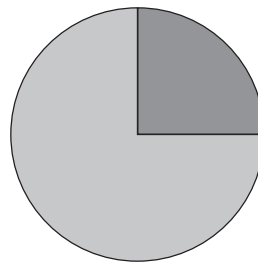
Исторический факультет:

Читаете ли Вы поэзию? (49 человек)

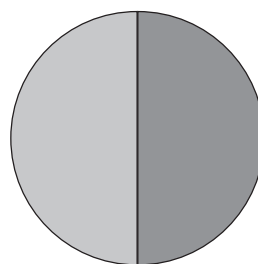
■ Да (78%) – 38 человек
■ Нет (11%) – 22 человека

Классическая или современная поэзия? (40 человек)

■ Современная (25%) – 10 человек
■ Классическая (75%) – 30 человек

Знаете ли Вы кого-нибудь из воронежских авторов? (40 человек)

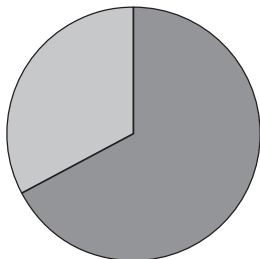

■ Да (50%) – 20 человек
■ Нет (50%) – 20 человек

Опрошенные назвали таких авторов как А.Т. Прасолов, И.С. Никитин и С.Я. Маршак.

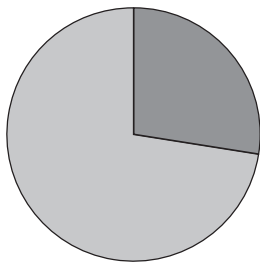
Математический факультет:

Читаете ли Вы поэзию? (55 человек)

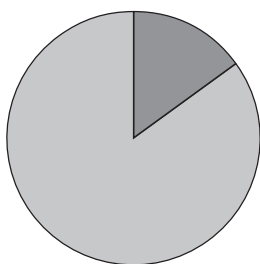
- Да (67%) – 37 человек
- Нет (33%) – 18 человек

Классическая или современная поэзия?
(40 человек)

- Современная (28%) – 11 человек
- Классическая (73%) – 29 человек

Знаете ли Вы кого-нибудь из воронежских
авторов? (40 человек)

- Да (15%) – 6 человек
- Нет (85%) – 34 человека

*Опрошенные назвали таких авторов как
В.М. Песков, С.Я. Маршак и Е.П. Дубровин.*

*Опрос проводили Корчагина Любовь
и Сафронова Софья (факультет РГФ)*

Поздравления

Дорогие читатели альманаха!

Здесь мы расскажем вам о самых важных творческих событиях, случившихся с момента выхода в свет последнего альманаха. Год поэтической жизни выдался щедрым на хорошие моменты. Со-радуйтесь, вдохновляйтесь, творите и присылайте нам в будущем весточки о своём-хорошем!

А пока — поздравляем:

Дарью Гузееву — с публикацией сборника стихотворений «Соберите меня в мозаику» (2019)

Василия Наценова — с публикацией сборника стихотворений «Лето мотылька» (2019)

Амангельды Рахметова — с публикацией сборника стихотворений «Почти» (2019)

Льва Рудковского — с принятием в Союз писателей России (2019)

Сергея Рыбкина — с публикацией сборника стихотворений «Вдали от людей» (2020)

Эльвиру Пархоц — с принятием в Союз писателей России (2019)

Дмитрия Чугунова — с публикацией сборника стихотворений «От зимы до лета» (2019)

Джабраила Яхьяева — с публикацией сборника стихотворений «Сохраните» (2019)

Содержание

Дмитрий Чугунов. Дойти до сути3

Университетская муза

Светлана Ахмедова.....	4
Виктория Белоусова	5
Ольга Благондеждина	6
Ольга Булахтина.....	6
Светлана Владимирова	7
Кристина Гайдукова	7
Сергей В. Гудков.....	8
Ануш Давтян.....	9
Вера Дадакина (Прощаева).....	9
Ольга Дедова (Арбила Ареневская)	10
Владимир Емельяненко.....	10
Анастасия Еремина	11
Вера Калашникова.....	12
Александр Каменский	12
Анастасия Картавцева	13
Анна Ковалева.....	15
Зоя Колесникова.....	16
Виктор Колесниченко	16
Дмитрий Колесниченко	17
Константин Кондратьев	18
Оксана Лесовик	19
Анастасия Лихачёва.....	20
Юлия Лора (Юлия Дорошева)	20
Екатерина Макушина	21
Михаил Маврин	22

Евгения Мучник.....	23
Василий Нацентов	23
Александр Нестругин.....	24
Ирина Олей	26
Эльвира Пархоц.....	26
Константин Переплётчик	27
Елена Правда	27
Аркадий Пресман.....	28
Валентин Рахманин.....	29
Олег Рахманин	30
Юрий Рогулькин	30
Лев Рудковский	31
Сергей Рыбкин	32
Софья Сафронова	33
Иоланта Сержантова	33
Симонова Светлана	34
Эмма Старова	34
Екатерина Стрельникова.....	34
Екатерина Ступникова	35
Надежда Третьякова	36
Владимир Тулупов	37
Галина Хожайнова	38
Яна Цыганкова	38
Анастасия Червинская	39
Ольга Червинская	39
Дмитрий Чугунов	40
Евгений Шамильпан	41
Джабраил Яхьяев.....	41

К 75-летию победы

В. М. Акаткин. Поэзия мужества, любви и сострадания.....	43
I	44
II	47
III.....	49
IV	50

Наши гости

Галина Абделаиз	54
Юрий Алтайцев	55
Андрей Апаркин.....	55
Юрий Беседин	56
Алексей Бондарев.....	56
Сергей Востриков	56
Дарья Гузеева.....	57
Ирина Гумыркина	58
Стефания Данилова.....	58
Павел Зюзин.....	59
Дарья Ильгова	60
Ольга Курбангалиева	61
Елена Кашкина	62
Владимир Кузьменко.....	62
Настя Проскурякова.....	62
Амангельды Рахметов	63
Ариша Сергеева.....	64

Алексей Серёгин.....	65
Павел Сидельников	65
Юрий Силантьев.....	65
Елена Тулукина	66
Антон Шамраев	66
Дарья Швецова.....	67
Татьяна Шепелева.....	68
Марина Ширма	69
Эльвира Щербакова.....	70

К 90-летию со дня рождения Василия Михайловича Пескова

Василий Нацентов. Путешествие с молодым месяцем, или Журналистика как фантастика.....	71
---	----

Из далёкой стороны

Тияна Йокич	73
-------------------	----

Читают ли ныне стихи? (опрос)

Поздравления79

Литературно-художественное издание

День поэзии LXIV

Литературно-художественный альманах

25 марта 2020 г.

Редактор-составитель *Д. А. Чугунов*
Корректоры *Э. О. Пархоц, П. Пономарёв*
Компьютерная вёрстка *А. Сундуков*

Подписано в печать 16.03.19.
Формат 60×84/8. Усл. п. л. 24,4.
Тираж 150. Заказ 111

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

kristenramley

ramley

sovremenart

Micro SD
130 лет

Micro SD
130 лет

Micro SD
130 лет

Micro SD
130 лет

